

Светлана Нарватова

НЕЕКЛИДОВО ПРОСТРАНСТВО

Светлана Нарватова
Неевклидово пространство
Серия «Детектив Алекс
Коллинггейм», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67613976
Неевклидово пространство: 2022

Аннотация

Группа китиарских исследователей прибыла на Атован для борьбы с синдромом Хардена. Спустя несколько месяцев на планерке сообщили, что ученые пропали, и переносица Алекса зачесалась. Позже тело одного из китиарцев обнаружилось, и Коллинггейма затащило в самую гущу событий. Среди попавших числился некий Эмиль Роул, биохимик. Совпадение? К работе следственной группы выразил желание примкнуть Виктор Майер, уроженец Китиары. Случайность? Но когда в отгородку Алекса ворвалась разъяренная Тайни Роул, всё встало на свои места. Потому что бывают случаи, когда пересекаются не только параллельные – даже расходящиеся прямые.

Содержание

Часть 1. Неевклидово пространство	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	71
Глава 8	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Светлана Нарватова

Неевклидово пространство

Часть 1. Неевклидово пространство

Глава 1

Детектив Алекс Коллингейм сидел в своем рабочем кресле и постукивал пальцами по столешнице. На месте Олдмена, его напарника, вольготно расположился супер-пупер импозантный брюнет с голубыми глазами. Из тех, кто стреляет взглядом наповал, и женщины стелются перед ним, стелются, стелются штабелями... Но не зависть была причиной раздражения Алекса. В конце концов, он тоже о-го-го! А если не «о-го-го», то очень даже ничего. Раздражало то, что красавчик-брюнет был китиарцем. Алексу не нравились китиарцы. Категорически. Опыт общения с ними был сплошным ударом для самолюбия. Это раз. «Два» было то, что из-за китиарцев у Коллингейма накрылся отпуск. Олдмену повезло: он улетел отдыхать две недели назад и теперь, гад, слал гало-открытки с ближайшего Парадиза. Путевки туда были награ-

дой от сенатора Брукса за раскрытие дела об убийстве его невесты. После нагремевшего расследования Неукротимый Ронни выглядел бледно. Журналисты вовсю смаковали грязные детали его романа. Вроде как в память о погибшей коллеге, но Алекс не верил в высокие идеалы борзописцев. Дабы спасти остатки морального облика, сенатору пришлось завязать с плейбойскими привычками и изображать горе. Путевки для детективов были жестом на публику. В халявной бочке меда плавала ложка дёгтя. Именно на Парадизе начался роман сенатора с Хельгой Стоунбридж, который не принес обоим ничего хорошего. Алекса это не пугало. Он даже был не прочь закрутить под пальмами романчик-другой. Но не тут-то было...

...Почти три месяца назад на Атован прилетела группа учёных из Исследовательского Корпуса Китиары. Они прибыли, чтобы изучать страшное, неизлечимое заболевание – синдром Хардена. К несчастью, оно встречалось только здесь, на Атоване. Местные врачи справиться с ним не могли. Китиара же была известна своими передовыми медицинскими технологиями по всему Союзу. У атованцев появилась надежда. Но когда из инопланетного космолета вместо убеленных сединами старцев-профессоров вышли двое молодых мужчин и девушка, многие были разочарованы. Некоторые даже сочли это насмешкой. Или восприняли как оскорбление. Но Алекс не сомневался в их профессиона-

лизме. Душевные и моральные качества китиарцев – вопрос спорный, а по части профессионализма они давали фору кому угодно. Судя по редким сообщениям на центральных каналах, борьба с синдромом Хардена шла с переменным успехом. Однако в одно прекрасное утро группа пропала. Потом на треть нашлась. Самый старший по возрасту и статусу – медик Оуэн Бродски – был обнаружен убитым из бластера в третьесортном борделе. Что преуспевающий ученый с генно-модифицированной внешностью делал в занюханном публичном доме? Дело это очень, очень дурно пахло.

Бродски был найден голым. Привязанным к кровати. Со следами от плетки на теле. Галографии трупа в мгновение ока разлетелись по Сети. Публика разделилась на две категории: «Фу, какой извращенец!» и «Ой, он такой извращенец!» Шума вокруг дела было много. А кого ставят на шумные дела? Правильно. Лучшего детектива отдела убийств Алекса Коллингейма, и всем плевать, что со вчерашнего дня ему следовало находиться в отпуске.

Но шумиха вокруг дела и отсроченный на неопределенный период отдых – полбеда. Беспокоили некоторые обстоятельства убийства. Когда Коллингейм прибыл на место преступления, первой его мыслью было, что это инсценировка. Слишком всё выглядело вульгарно и слабо вязалось с образом высокомерных, брезгливых китиарцев. Но эксперты в один голос утверждали, что убитый действительно занимался перед смертью сексом. Прямо в номере. Да бог с

ним, вкусы бывают разные. Встречал Алекс на своем веку увлечения и похлеще. Но на этом сюрпризы не закончились. Оказалось, убитый был обдолбан «нирваной». Так назывался местный элитный наркотик. Впервые он появился на Атоване лет десять назад. Дикую популярность «нирвана» завоевала за уникальные свойства. Она не вызывала физического привыкания и ломки. Не оставляла в организме следов применения. И, по свидетельствам наркоманов, дарила настолько улётные ощущения, что реальность после воспринималась депрессивной мутью. Понятно, что при таких потребительских качествах ценник у «нирваны» был ой-ой-ой. Последние пару лет она была замечена и на других планетах Союза. Факт приема наркотика характеризовал китиарца с плохой стороны, но был более-менее объясним. «В-третьих» было прямо из рук вон. В номере были обнаружены несколько волосков китиарки-микробиолога Эбигейл Джонсон и носовой платок со следами ДНК Эмиля Роула, китиарского биохимика. Главные подозреваемые без вести пропали. Картина убийства практически на лицо, но интуиция Алекса вопила о том, в этом деле всё неправильно. По своему опыту общения с китиарцами детектив знал, что это чертовски умные, осторожные, продуманные до кончиков костей бестии. Чтобы так подставиться по всем фронтам?..

Понятно, что в борделе никто никого не видел, ничего не слышал, ни о чем даже не подозревал, на то он и бордель. Номер был забронирован анонимно, оплачен налом через тер-

минал, в общем, тупиковая ветка. Оставалось отталкиваться от личностей фигурантов. Что было известно об ученых-китиарцах? В официальных досье значились сухие факты таможенных деклараций и сведения из профессиональных резюме.

Оуэн Бродски, 32 года, гражданин Китиары, капитан Исследовательского Корпуса, руководитель группы. Доктор медицины, доктор биологии. Специализация – мутации. Далее шел длинный список научных публикаций. Алекс решил, что разбираться с названиями будет, если уж совсем прижмет. Из знакомых слов там были только предлоги. Мегасеть пестрела новостями: «В борделе Квартала Удовольствий обнаружен труп китиарца». Алексу пришлось проскроллить несколько страниц поисковика, прежде чем он добрался до ссылки с другим содержанием: «Оуэн Бродски, известный ученый в области соматических мутаций, прочитал курс лекций для студентов Атованского университета». С новостной странички улыбался обаятельный брюнет в окружении счастливого молодняка в белых халатах. Коллингейму китиарцы не нравились. Категорически. Но за этого парня почему-то стало обидно.

Эбигейл Джонсон, 29 лет, гражданка Китиары, капитан Исследовательского Корпуса. Доктор медицины, доктор биологии. Специализация – микробиология, инфекционные заболевания. Мегасеть выдала галографии очаровательной блондинки с длинными волосами и приятными формами.

Еще там была информация о том, что Джонсон участвовала в подавлении двух крупных эпидемий на планетах Союза. Наверное, Эбби не была звездой первой величины на медицинском небосводе, но и лузером-самоучкой назвать её было сложно.

Эмиль Роул, 27 лет, гражданин Китиары, первый лейтенант Исследовательского Корпуса. Доктор медицины, доктор химии. Специализация – нарушения обмена веществ. Холост. Алекс специально проверил. Эмиль не был похож на Тайни Роул. Правильность черт не считается, по этому признаку всех китиарцев можно было в родственники записать. Он был шатеном с выющимися волосами и серыми глазами. Однофамилец? Дальний родственник? Бывший муж? Нет, Коллингейму китиарцы совершенно не нравились. Тем более что и по части науки Роул нигде не засветился. Все его достижения укладывались в перечень статей. У Бродски детектив названия не понял, но хотя бы сумел прочитать. Тут на третьем слове Алекс сломал язык, плюнул и утешил себя тем, что зато у него раскрываемость хорошая. И решил, что пора переходить от виртуальных поисков к реальным.

Детектив начал с места проживания. Разместились китиарцы в приличном отеле неподалеку от исследовательского центра, где работали. Образ жизни вели замкнутый: номер – работа – кафе – работа – номер. Сотрудники отеля отзывались о них как о людях малообщительных, но проблем-

ных. Скандалов не устраивали, посуду не били, к горничным не приставали, баб в номера не заказывали. Коллингей-му запомнилась фраза девушки с ресепшена: «Никогда таких красавчиков не видала. Идут такие, втроем вечно, руками размахивают, на каком-то непонятном языке чирикают. А ты как пустое место». Алексу как вживую представилось. И очень соответствовало его личным впечатлениям.

В отеле у детектива появилось больше вопросов, чем ответов. Например, непонятно, зачем для сексуальных игр идти в бордель, когда у каждого китиарца был личный номер с полной звукоизоляцией, а проститутку туда можно заказать онлайн, любого пола, цвета и размера. Может, у них на Китиаре какое-нибудь табу на связи с обычными людьми?

Перед глазами детектива встали кадры а-ля «низкобюджетный галосериал». Измученный вынужденным целибатом Оуэн Бродски пускается во все тяжкие с местной девицей легкого поведения. Его настигают соплеменники и в гневе расстреливают на месте. Осознав весь ужас содеянного, Эбигейл рвет на себе волосы, Эмиль утирает слезы платком. Раздавленные чувством вины, они скрываются в неизвестном направлении. Версия интересная, но где тогда проститутка? Сбежала в ужасе? Молчит за энную сумму? Из страха за свою жизнь? Логичнее было бы ее пристрелить вместе с Оуэном. Нет, не складывается.

Алекс представил другой сериал. Внутри команды китиарцев нарисовался любовный треугольник. Эбигейл прини-

мает настойчивые ухаживания Оуэна, и они прячутся от бдительного Эмиля в борделе. Но тот отслеживает сладкую парочку и ловит их на горячем. Выхватывает бластер, стреляет в удачливого соперника, оттаскивает Эбигейл за волосы от остывающего трупа, брезгливо сморкается напоследок в платок и уводит за собой безутешную девушку. Хорошо. Но не понятно, зачем Оуэну в таком случае нужно было ширяться «нирваной». Может, это китиарка соблазнила его, предварительно накачав наркотиком? А зачем? У них пузом всё равно не женишь. Короче, это уравнение из трех неизвестных упорно не желало уравниваться. Да и фантазии Алекса в качестве вещдоков не пришьешь.

Коллингем направился в исследовательский центр.

Атованский медицинский научно-исследовательский центр находился в Академическом квартале. Там, где располагался Атованский университет – единственный в столице, но с огромным количеством учебных корпусов и общежитий. Тут же теснились прочие научные и околonaучные учреждения. Такова специфика Атован-Сити: всё в нем сгруппировано по функциям. И отцы-основатели позаботились, чтобы Академический квартал находился в противоположной стороне от Квартала Удовольствий. Здание центра мало чем отличалось от типовых многоэтажек города. Может тем, что стекла в них было чуть больше, чем бетона. Отливающая радужой защитная пленка на окнах придавала зданию сказоч-

ный вид. Вот только не все сказки хорошо заканчиваются, да...

Алексу много где приходилось бывать по делам следствия. В притонах, борделях, на шахтах, в офисах клерков разного уровня. В деле Стоунбридж он даже до мэрии и сената добрался. Но с учеными ему общаться не случалось. Директор центра, Кельвин Грей, был высоким, лысым, худым, как жердь, и производил впечатление совершенно обычного человека. Он выразил сожаление о смерти Бродски и надежду на то, что остальные члены группы будут обнаружены. Если не в целости и сохранности, то, по крайней мере, живыми. На вопросы о китиарцах он внятно не ответил. Сообщил, что практически не пересекался с ними. Работы по синдрому Хардена велись под руководством профессора Джозефа Фита. Несмотря на уверенный и ровный голос, Грей несколько раз поправлял галстук, будто ему было трудно дышать. Возможно, врёт. Возможно, боится, что не уследил за инопланетниками, и теперь придется огребать за халатность. Возможно, то и другое. Не важно. Может, в мире и существуют идеальные преступления, но рано или поздно преступник совершит ошибку. Ему просто не нужно мешать. Коллингейм мысленно поставил галочку напротив фамилии директора и пошел искать мистера Фита.

Квест «Найти Джозефа Фита» оказался не из простых. Мало того, что Алекса погоняли по этажам. Его пять раз попросили предъявить жетон, три раза просканировали, два –

продезинфицировали, а одна въедливая дама даже заставила его переодеться в белый балахон и вымыть руки. После всех этих злоключений выяснилось, что профессор только вернулся из университета, где читал лекции, и работает в своем кабинете. Напротив приемной директора. Нет, не зря Алекс недолюбливал врачей, не зря.

Джозеф Фит неожиданно оказался довольно приятным мужчиной. Несмотря на почтенный возраст, он был бодр. Седина, залысина, окладистая борода – всё, как положено профессору. Его кожа была усыпана лентиго, защитные очки скрывали глаза от агрессивного солнца. Таковы приметы старости на Атоване. Джозеф Фит поднялся с кресла, чтобы пожать руку детективу. Рука была сухая, рукопожатие твердое.

– Приятно познакомиться, – с улыбкой произнес профессор. – Правда, обстоятельства не радостные. – На последних словах улыбка угасла. – Насколько я понял, вы занимаетесь делом китиарцев?

– На самом деле, я веду дело одного китиарца – убитого Оуэна Бродски, – осторожно уточнил Алекс.

– Жаль его. Талантливый был паренек. – Глядя в стол, Фит покачал головой. – Сколько ему было? Лет тридцать?

– Тридцать два, – автоматически поправил Коллингем.

– Совсем молодой. Жить бы ему, да жить... – Профессор помолчал, а потом поднял взгляд на детектива. – Вы же здесь, чтобы задать вопросы? Задавайте.

– С кем больше всего общался убитый?

– С Эбби и Эмилем.

– А из атованцев?

– Они не очень стремились к общению с нашими, хотя языковых проблем не было. Скорее, этические.

– Этические? – переспросил Алекс.

– Сами представьте: они же сверхлюди. Их не слишком любили в коллективе, – Фит поджал нижнюю губу. – Иногда подшучивали. Они очень болезненно на всё реагировали. Наверное, чувство юмора не входит в программу генетического совершенствования.

– Насколько я понимаю, вы тоже не из лагеря поклонников Китиары? – уточнил детектив.

– Гордыня и жадность однажды погубят человечество, молодой человек, – наставительно произнес профессор. – Гордыня и жадность.

– Вы про китиарцев?

– Увы, эти пороки свойственны всем людям, и тысячи лет человечество стоит на шаткой табуретке, засунув голову в петлю. Поверьте, молодой человек, – ученый кивал головой, как болванчик, – однажды табуретка упадет, и случится это из-за жадности и гордыни. Китиара – вызов, брошенный Богу. Человек возжаждал стать равным Творцу.

– Не получилось?

– Закон сохранения вещества и энергии еще никто не отменял, – по-отечески улыбнулся профессор. – Если где-то

прибыло, где-то должно убыть.

– И где же убыло у китирацев? – любопытствовал Алекс. Ему не нравились граждане Китиары. Неплохо было теперь узнать, почему.

Фит подался вперед. Его глаза горели.

– В человечности. Представьте, что вы с детства общаетесь с совершенными людьми: талантливыми, умными, красивыми, – перечислял ученый, и чувствовалось, насколько он одержим своей идеей. – Как вы будете воспринимать обычных людей?

Алексу припомнился слова Тайни Роул о том, каково жить среди поголовно умных и красивых. Правда, как после этого она относилась к «обычным» людям, он для себя не уяснил. Неактуально было.

– И как я буду воспринимать обычных людей? – спросил детектив.

– Вам приходилось встречать в жизни умственно-отсталых людей? Даунов? Уродов? Как вы к ним относитесь? – профессор сделал паузу. – Вот и мы для китиарцев умственно-неполноценные уроды-дауны, – подвел итог Джозеф Фит и поправил очки, ткнув перетяжку оправы указательным пальцем.

Коллингем не считал себя ни дауном, ни уродом. Да, за такое китиарцев можно не любить.

– А как они по работе? Что-нибудь толкового сделали?

– Как профессионалы они, конечно, молодцы. Знаете, –

профессор вновь поправил сползшие по переносице очки, — я ведь сначала не верил, что у них что-нибудь вообще получится. Мы же столько времени боролись с этой болезнью. А тут какие-то, простите, сопляки, прибыли нас учить. И ведь был не прав.

— Так они нашли способ излечения? — не поверил Алекс.

— Нет. К сожалению, лечения не существует. Но! — Тут Фит ткнул указательным пальцем вверх. — Они смогли объяснить механизм возникновения заболевания. Очень необычное решение. А мы слишком долго варились в своем соку. Знаете, молодой человек, в науке преклонение перед корифеями — порочная практика. Приятная, успокаивающая эго, что всё великое открыли до нас, но совершенно тупиковая. В этом отношении у китиарцев была форa — наши светила для них не ярче уличного фонаря.

Профессор усмехнулся, и с видом победителя поерзал, устраиваясь в кресле поудобнее. Видимо, тот факт, что лечение так и не было найдено, утешало его. Всё-таки неприятно чувствовать себя совсем уж дауном.

— Может, всё же с кем-то из сотрудников китиарцы общались более тесно? — попытался Алекс сдвинуть с мертвой точки буксовавшее дело.

— Возможно, вам стоит поговорить со Смитом. Это стажер. Он помогал нашим гостям. Выполнял техническую работу. Был на подхвате.

— А где его можно найти?

Коллингейму не улыбалось по второму разу пройти тем же маршрутом. Мало ли, как над ним могут «подшутить» на этот раз? Куда захотят заглянуть? У детектива зрело подозрение, что он тоже не очень дружит с чувством юмора в толковании его медиками.

– Наверное, в их лаборатории. Кабинеты десять-тридцать пять и десять-тридцать шесть. Это на десятом этаже, – пояснил профессор для умственно-отсталых.

– Спасибо. Вы не замечали ничего странного в поведении китиарцев в последнее время?

– Я не очень часто пересекался с ними лично, но мне кажется, они были чем-то подавлены. Встревожены. Возможно, поняли, что не могут справиться с поставленной задачей, – предположил мистер Фит. – Вообще, они собирались улетать. Совершенно не понимаю, кому и зачем потребовалось их похищать...

– Вы считаете, их похитили?

– А вы думаете, они уже мертвы? – ужаснулся профессор.

– Пока ничего утверждать нельзя, – туманно ответил Алекс. Своими бредовыми версиями он делиться не собирался.

Глава 2

Покинув кабинет Фита, детектив зашагал в сторону лифтов. Девушка с заплаканными глазами выросла перед ним как из-под земли.

– Это вы – детектив? – шмыгнув носом, спросила она.

– Я – детектив, – согласился Коллингейм.

Эффект внезапности прошел, и Алекс смог нормально ее рассмотреть. Это была стройная блондинка лет двадцати шести – двадцати семи. Она была симпатичной даже несмотря на припухший от слез нос. На фоне покрасневших белков светло-серые радужки, казалось, светились. Она шумно всхлипнула, приоткрыв розовые губки. Алекс выдохнул.

– Я хотела бы с вами поговорить. Только не здесь, не в коридоре.

Девушка потянула Коллингейма за рукав, и он, как осёл за морковкой, послушно поплелся следом. Блондинка огляделась по сторонам, споро прошла мимо нескольких дверей, приложила руку к кодовой панели и затащила детектива в кабинет. Алекс был бы не против, если бы сейчас она прижала его к стене и впиалась своими розовыми губками ему... да хоть бы и в рот. Но, увы, девушка, прижав руку Коллингейма к своей груди, посмотрела на него умоляющими глазами и прошептала:

– Как вы думаете, он жив?

Алекс резко дернул головой, приходя в себя.

– Кто? – уточнил он.

– Милле, – тоном «какие могут быть варианты?» пояснила девушка. – Мой Милле жив?

– Так. – Шестеренки в голове медленно, но начали вращаться. – «Милле» – это Эмиль Роул? – Получилось хрипловато.

Блондинка закивала головой. Неприязнь к незнакомому китиарцу набирала обороты.

– Прошу прощения. – Голос опять засипел, и Коллингейм откашлялся. – Кто вы, и кем вам приходится Эмиль Роул.

– Меня зовут Даниэла Вуд. Я... Мы... Мы встречались с Эмилем, – подобрала она наконец подходящее слово. – Так он жив?

– Пока ничего утешительного сказать не могу. У вас есть какие-то предположения о том, что произошло?

– Их похитили, – твердо произнесла Дэниэла.

– Почему вы так решили?

– Им угрожали, – тоном «это же все знают» ответила она. – С самого начала.

– Поподробнее можно? – Алекс подобрался.

– Вы не слышали? Антикитиарские экстремистские группировки. О них даже по галовидению говорили. И в Сети писали. – Алекс ни о каких группировках не слышал, и удивленно поднял брови. – На центральные каналы, правда, эту информацию не выпускали. Создавали видимость благопо-

лучия, – выплюнула Даниэла с ненавистью. – И вот... досоздавались. – Она снова шмыгнула носом и отерла наклонившуюся слезинку.

Коллингем поставил для себя галочку поискать информацию об экстремистах. Оказывается, столько всего прошло мимо него...

– Они вели себя агрессивно, вызываясь? За что их не любили?

– Их не любили, – с вызовом ответила девушка. – Их боялись.

Алекс склонил голову набок. Это что-то новенькое.

– Нет, вы неправильно меня поняли, – поправилась Даниэла. – Не их самих, а находиться рядом с ними. Из-за всех этих... угроз.

– А кто-нибудь еще знал об этих «угрозах»?

Случается, экзальтированные барышни придумывают такое, чего на самом деле нет.

– Конечно. Сначала китиарцы докладывали обо всех случаях в службу безопасности. Но от них только отмахивались. Потом они перестали кому-либо говорить.

– В чем заключались угрозы?

– Насколько мне известно, ни в чем конкретно. У них разбомбили оборудование в кабинете. Как-то в аэрокар Эбигейл подбросили дохлую кошку. А Оуэну на рабочем столе нацарапали: «Убирайтесь прочь, не люди». Вот в таком духе...

Она вздохнула.

Ничего себе шуточки. Очень остроумные.

– Вы не замечали в последнее время что-нибудь странное, необычное в поведении Эмиля? – поинтересовался детектив.

Он ведь собирался сворачивать удочки, добавил про себя Алекс. Должен же был как-то сообщить девушке о своих намерениях. Или планировал исчезнуть по-английски?

– Он был раздражен, но не хотел говорить о причинах. – Блондинка сложила руки под грудью. Весьма соблазнительной грудью. – Говорил, что это его проблемы, и он не хочет меня нагружать. Но я так поняла, что у них возникли трения в команде.

– Почему вы так решили?

– Я как-то шла к нему, и услышала из-за двери громкие голоса. Милле кричал что-то вроде: «Кончай с этой дрянью!» Оуэн ему отвечал: «Не лезь не в своё дело!» В это время в коридоре послышались шаги. Я испугалась, что меня могут застать за подслушиванием, и вошла. Бродски отвернулся. Эмиль вывел меня из кабинета и потом долго молчал.

У Алекса была версия, о какой именно «дряни» шла речь, и она была не «кто». Похоже, Оуэн действительно подсел на «нирвану». Печально.

– Роул говорил что-нибудь о том, когда они собирались завершать работу?

Интересно же: сказал или не сказал?

– Нет, он ничего не говорил. У них в последнее время

что-то не ладилось. После того, как Эбигейл открыла механизм запуска синдрома, они были счастливы. Но время шло, а прогресса по лечению не наблюдалось. Но Эмиль не сдавался. Он был уверен, что обязательно найдет выход!

– Когда вы общались с ним в последний раз?

– Вечером перед исчезновением. Я ему звонила. Мы совсем недолго поговорили. Он сказал, что у него срочное дело, он должен помочь кому-то из своих... Я так и не поняла, кому.

– Спасибо, Даниэла.

– Можно просто «Дэнни», – улыбнулась девушка и протянула руку. Алекс пожал тонкие пальчики. – Пожалуйста, если что-нибудь узнаете...

Коллингейм кивнул:

– Дам знать.

Даниэла выглянула в коридор, а потом быстро вытолкнула детектива из кабинета и закрыла дверь. Голова Алекса была пуста, как вакуум за иллюминатором космолета. Детектив автоматически добрался до лифта, и, лишь спустившись вниз, сообразил, что собирался зайти в лабораторию китиарцев. Он чертыхнулся. Двое сотрудников в лабораторных халатах прервали разговор и разошлись в стороны, освобождая проход. Алекс с невозмутимым видом нажал «10», будто таков был план. Белохалатные переглянулись, вошли внутрь, но встали от детектива поодаль. Да и бог с ними. Коллингейм и сам предпочёл бы держаться подале. И от них, и от ис-

следовательского центра, и от этого дела вообще. Зажигать где-нибудь на Парадизе в компании экзотической мулатки. К примеру. Он только что убедился, что жизненно нуждается в отдыхе. И какой-нибудь мулатке. Блондинке. Брюнетке. Рыжей. После бегства Роул что-то разладилось в его личной жизни. Раньше она была периодической, а теперь превратилась в эпизодическую. Китиарцы – зло. Если бы не Роул, он бы наверняка склеил эту Дэнни. Кто из Роулов виноват больше, Алекс определить не успел, потому что добрался до искомых кабинетов.

Забавно, но здесь его никто не останавливал и ничего не требовал. Детектив вспомнил, что на десятый этаж его не посылали. Он огляделся. Всё-таки хорошо, что он пошел в полицию, а не в науку. Да, у него была маленькая отгородка в огромном помещении отдела, но за ней он был скрыт от посторонних глаз. Кабинеты китиарцев представляли собой огромные аквариумы. Впрочем, соседние были такими же. Внутри большого аквариума стояли аквариумики поменьше, с какой-то аппаратурой. Над кабинетом десять-тридцать пять горела лампа. На ней было написано «Не входить». Внутри никого не было. Видимо, помещение проходило санобработку. В соседнем, тридцать шестом, ссутулившись за столом, сидел темноволосый паренек.

Алекс постучался. Парень дернулся и оглянулся. Вид у него был испуганный. Детектив изобразил дружелюбную улыбку и показал жетон. Судя по выражению лица, с кото-

рым парень шел открывать, одно из двух было лишним.

– Здравствуйте, меня зовут детектив Алекзандер Коллингем. Я расследую дело об убийстве Оуэна Бродски. Вы мистер Смит?

– Да какой уж там «мистер», – поморщился парень и отмахнулся. – Зовите меня Райан. Проходите. Присаживайтесь, куда хотите, – он широко повел рукой, как певец в опере, – у нас сегодня малолюдно.

Типа, пошутил.

– Спасибо, – поблагодарил Алекс и развернул к центру стул от ближайшего стола. В ногах правды нет. Хотя там искать не нужно.

– Вам, наверное, уже наговорили про них всяких гадостей, да? – начал в лоб Райан. Он уселся в кресло напротив, уперся локтями в подлокотники и подался корпусом вперед.

Коллингем кивнул.

– Они были совсем не такие! – заявил парень.

– Не какие? – уточнил Алекс.

– Ну... они не были высокомерными, занудными, нелюдимыми. Как вам их еще характеризовали? – Парень слегка покачивался корпусом верх вниз, будто плечи у него были присоединены к тазу пружиной. Он вскинул правую ладонь в сторону: – Исчадиями зла? Порождениями геенны огненной? – Вторая ладонь направилась влево.

Театр одного актера. Последняя гастроль артиста.

– А что, нет? – спросил Коллингем, чуть склонив голову

и изображая глубочайшее участие.

Смит фыркнул, собрал кисти в замок и прижал их для надежности подбородком:

– Нет. Они были очень милыми и веселыми. Особенно Роул.

Опять этот Роул!

– Они многое знали, многое умели, и, понимаете, – рука парня вырвалась из заключения, теперь – вперед, как у нищего, – не жмотились, как наши. Не боялись, что кто-то украдет их открытия! Они всем делились, – вторая рука присоединилась к первой. – Когда нужно – разжевывали, чтобы было понятно.

Угу. «А теперь для даунов», мысленно добавил Алекс. Райан опустил взгляд на руки и спрятал их на место, под подбородок.

– Знаете, сколько интересного они рассказывали! – продолжил он. Моторчик внутри не давал ему сидеть спокойно: он опять начал качать корпусом. – Где они только ни бывали!

– Почему же тогда к ним очередь из поклонников не стояла? – доброжелательно поинтересовался детектив.

Смит выскочил из кресла, будто пружина, которая его раскачивала, находилась у него под пятой точкой:

– Это всё Фит! – гневно заявил он, обличительно указав куда-то вверх, где, видимо, находился профессор. – Он с самого начала был настроен против китиарцев. А всех, кто шел против него, гнобил. Кому статью запрет, кого на конфе-

ренцию не отпустит, кого на совещании пропесочит. Он даже с Данаей поцапался, хотя до приезда китиарцев она у него любимой ученицей была!

– Даная – это кто? – уточнил Алекс, чтобы подтвердить подозрения.

– Ну, Даниэла Вуд. Прозвище у нее такое.

– Она с китиарцами дружила?

– «Дружить» – это не про Данаю, – поделился парень, и Коллингем кивнул. – Вы ее видели, да? – догадался Райан, и детектив кивнул снова. – Понимаете, да? Но да, она сюда частенько захаживала. Ей-то чего бояться? Её премии лишат, она и не заметит...

– Почему?

– Вы про компанию «Вуд & Ко» слышали?

Коллингем слышал. Все на Атоване слышали. Она входила в двадцатку крупнейших добывающих компаний. Когда Алекс вернулся со службы, это название не сходило с мониторов галовизоров. Эндрю Вуда, владельца компании, обвинили в том, что он своевременно не обновил защитный экран над одной из шахт. В результате сотни работников схлопотали синдром Хардена. Эндрю объяснял это тем, что месторождение находилось на грани истощения, вкладывать в него деньги не имело смысла, и пусть рабочие скажут спасибо, что их не выбросили на улицу. Рабочие спасибо не сказали. Профсоюзы через суд обязали Вуда выплатить пострадавшим компенсацию. Он выплатил, а шахту закрыл. Лю-

ди оказались без работы и с «волчьим билетом». В общем, некрасивая была история. Детектив кивнул.

– Так вот, это ее папочка.

Да уж, в деньгах Дэнни не нуждалась. Как и в услугах Алекса. М-да.

– А ты почему не боялся?

– А я тоже не заметил бы, если бы меня премии лишили, – весело ответил Смит. – У меня знаете какая зарплата? – Алекс пожал плечами в ответ. – Если посмотрите вот сюда, – он ткнул пальцем в микроскоп, – то увидите. Я живу за счет подработок. Так что Фит мне не указ.

Райан сложил руки на груди и вздернул голову. Пацан. Со всем пацан.

– Расскажи, какими они были.

– Ну, – Райан снова сел, и взгляд его потеплел. – Оуэн был у них лидер. Его слушались. Его нельзя было не слушаться. Он был такой... ух! – Райан сжал кулак. – Эбигейл... она как фея, – тут парень поплыл, и Алекс вспомнил другую «фею». – Только строгая очень, – закончил Смит со вздохом. – А Эмиль – свой парень. Смешил постоянно, истории разные рассказывал. На аэрокаре любил гонять по ночам. Он вообще всякое экстремальное любил... любит, – поправился Смит и поджал губы.

Он pokrутился на кресле из стороны в сторону.

– Мне говорили, они собирались улетать? – спросил детектив.

– Да вроде нет, – пожал парень плечами. – У них вроде, что-то наклевывалось...

– Почему ты так думаешь?

– Пару недель назад Эмиль с Оуэном начали о чем-то шушукаться. Оуэн стал напряженный. Он всегда был такой, когда что-то важное происходило. Эмиль взъерошенный ходил, много работал, все данные за собой тщательно подчищал. Эбигейл к нему часто подходила, вроде как успокаивала. Короче, у них что-то происходило. Когда я у Эмиля спросил, он мне сказал: «Всё нормально. Скоро всё закончится. Но пока лучше держись от нас подальше».

– Слышал, китиарцам угрожали... – запустил Алекс на проверку еще одну версию.

– Было такое, – Райан поджал губы и мелко закивал головой. – Это всё от ксенофобии, – поделился он. – Китиарцы для нас – непонятные чужаки. Неизвестность всегда страшит. А страх порождает ненависть. К тому же людям легче жить, когда у них есть, с кем бороться. Все невзгоды, житейские проблемы и разногласия теряют значение перед лицом общего врага.

– Социологией интересуешься?

– Нет, это мне Эмиль объяснял. У него сестра такими вещами занимается: всякой психологией...

– ...социальной антропологией, – продолжил детектив.

– Да, да, угадали!

Ага. Угадал он. Буквально, пальцем в небо попал. Значит,

брат. Может, не так уж он плох, этот Эмиль Роул. Вроде, парень неглупый. И весёлый, если верить. Знать бы еще, кому и в чем.

Глава 3

Когда Алекс вышел из Исследовательского центра, на улице уже вечерело. Скоро придет лето с жарой и иссушающими ветрами. А пока можно радоваться ненавязчивому теплу. Хотя, стоило светилу спрятаться, повеяло холодком. Детектив добрался до своего аэрокара и прикинул, что на работу – практически на другой конец города – придется лететь только для того, чтобы оттуда направиться к себе. Конечно, люди пропали, дело стоит, начальство ждет... Но до сих пор не выдвинуто никаких условий. Либо похищенные не хотят, чтобы их нашли, и от лишнего дня свободы не откажутся. Либо похитители еще не определились с ценой, и пока преступники думают, можно не дергаться. Либо уже некого менять, и как ни цинично это звучит, днем раньше, днем позже – значения не имеет. В общем, Алекс двинулся напрямик домой. Выспавшийся, собранный детектив принесет больше пользы, чем сонный и уставший. После ночной побудки спать хотелось немилосердно.

Разогрев стандартный порционный ужин, Коллингейм вытащил из пола перед галовизором столик-трансформер. Потыкал по каналам. Везде одно и то же: смерть Бродски и пропажа китиарцев были темой дня. Роул не всё рассказал стажеру про ксенофобию. С каким упоением журналисты, политики, видные общественные деятели строили гипотезы

о причинах смерти Оуэна! Одна грязней другой. Они смаковали чужую смерть, как ценитель настоящее вино. «Ура! Мы доказали: супер-люди вовсе не супер! Они только делали вид! Но мы всегда это подозревали! Мы же, чай, не дауны», — читалось между строк. И столько в этом междустрочьи было искренней радости, большого человеческого счастья, что Алексу стало противно.

Коллингем принял душ и завалился спать. Ему снилась Тайни Роул. Не спокойная и сосредоточенная, какой он привык ее видеть, а взъерошенная и испуганная. Она пыталась ему что-то втолковать. Алекс слышал ее голос, но никак не мог понять, чего она хочет. Наверное, потому что он даун, решил Коллингем во сне, и стал пялиться китиарке на грудь... А потом, как всегда не вовремя, сработал будильник.

Детектив бодро вскочил, сделал несколько упражнений, умылся и оседлал своего верного аэро-буцефала. Позавтракал он в дороге, чтобы сэкономить время, в итоге на работу прибыл раньше всех. Вместо получаса в спортзале, Коллингем сел приводить в порядок информацию по делу.

Последний раз китиарцев видели в субботу вечером. В понедельник они не явились на работу, на вызовы не отвечали. На поиски пропавших кинули все силы полиции. Но они как сквозь землю провалились. В ночь на вторник обнаружили тело Бродски. Коллингея подняли в три часа. Алекс даже пожалел, что не женат. Жена бы спросила: «Ты куда это, на

ночь глядя?» А он ей бы ответил: «В бордель». Смерть китиарца наступила в понедельник, ориентировочно с часу до половины второго дня. Вкалывал мужик в поте лица. Судя по анализам, последние сутки своей жизни Оуэн провел в состоянии сильнейшего наркотического опьянения. Определить, употреблял ли он наркотики ранее, не представлялось возможным. Через двадцать часов все промежуточные продукты распада «нирваны» полностью утилизировались организмом. На теле были обнаружены множественные гематомы. Эксперты сообщили, что в основном они были получены в воскресенье. Веселенький уикенд был у китиарца. А закончился так, что просто обхохочешься. Самое бы время почитать про экстремистские группировки, но тут подошло время оперативки.

Капитан планомерно снимал стружку с Коллингейма, требуя результатов. Алекс тоже потребовал – помощи. Он пока клонироваться не способен. Рук у него две, ног – две, глаз – тоже два, а голова и рот – вовсе в одном экземпляре. Начальник сказал, что последний экземпляр Алексу следовало бы заткнуть и начать копать. Как копать ртом начальник не сказал, но, видимо, подразумевалось, что детектив будет землю грызть. В этот драматичный момент у капитана сработал комм. Он посмотрел, кто вызывает, побледнел лицом, выслушал, сказал: «Есть», отключился и произнес: «Коллингейм, к Уокеру». В глазах читалось облегчение от того, что вызвали не его.

Про Шефа полиции Атован-Сити Дж. Дж. Уокера ходило много анекдотов. Например, вот: «В одной шахте случился завал. Техника оказалась бессильна. Тогда вызвали Уокера, и он прожег проход взглядом». Поэтому по дороге Алекс забежал в туалет – чтобы не оконфузиться. В приемной секретарь молча кивнул и тут же открыл дверь в кабинет начальника. Зараза, даже не дал спросить, в чем дело. Дело, как оказалось, было на миллион. Голосов избирателей. С Уокером, как со старым приятелем, за чашечкой ароматного кофе беседовал сенатор Рональд Брукс. Неукротимый Ронни ослепительно улыбнулся детективу, и Алекс напрягся.

– Детектив Коллингем, рад встрече! – встал сенатор и протянул руку.

Детектив украдкой бросил взгляд на Шефа. Тот елеуловимо кивнул. Коллингем поприветствовал Брукса, выдавив ответную улыбку.

– Я очень рад, что дело китиарцев находится в надежных руках, – заявил Неукротимый Ронни Уокеру. – Я уверен, что он отлично справится.

После этих слов сенатор повернулся к детективу.

– Дело непростое, – сказал он, изобразив глубокую озабоченность. – Очень скользкое. Нам нужно удержаться на грани, чтобы не случилось межзвездного скандала, но виновные были найдены. Вы, детектив, хорошо зарекомендовали себя в работе с представителями Китиары. Надеюсь, и в дальнейшем всё пройдет гладко. Нам проблемы не нужны, – закон-

чил он с упором на первое слово.

– Нам проблемы не нужны, – эхом повторил Уокер.

Можно подумать, Алексу они нужны так, что он без них прямо спать не может.

– Идите, детектив, выполняйте, – милостиво разрешил Шеф.

Согласно известному закону, события развиваются от плохого к худшему. Коллингейм не задумывался над тем, что Брукс оказался невольным заложником успеха китиарцев. Дело Стоунбридж подпортило ему репутацию, но его ставки подскочили бы до небес, если бы исследователям улыбнулась удача. Ведь их прибытие было связано с его именем. Однако Китиара подложила Ронни очередную свинью. Второго скандала его политическая карьера не выдержит и треснет по швам. Стало понятно, почему на дело поставили одного Коллингейма. Виновных обязательно найдут. Он был запасным вариантом. Становиться козлом отпущения не хотелось. Алекс направился в свою отгородку копать в переносном смысле, пока не пришлось в прямом. Куда, кроме шахт, он пойдет, если его с работы турнут? Разве что в сценаристы галосериалов...

В отделе было пусто. Народ всё еще не вернулся с оперативки. Коллингейм сделал кофе и побрел к себе, отхлебывая из кружки на ходу. И чуть не поперхнулся, обнаружив на гостевом стуле супер-пупер импозантного брюнета с голубыми

глазами.

– Добрый день! – вежливо произнес тот, вставая и протягивая руку для приветствия.

Алекс перехватил кружку в левую руку и пожал холеные пальцы китиарца.

– Вы, возможно, меня забыли... – продолжил тот.

– Отчего же. Я памятью не страдаю, – возразил детектив любимой присказкой капитана, предлагая гостю сесть в более удобное кресло напротив. – Виктор Майер, если не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь, – удивленно-поощрительно улыбнулся брюнет. – У вас действительно неплохая память.

Для дауна, добавил про себя Алекс.

– С чем пожаловали? – полюбопытствовал он, отставив на время кофе. Почему рядом с китиарцами он постоянно чувствует себя неотесанным чурбаном?

– Хочу помочь найти соотечественников, – ответил Майер тоном отличника. – У нас, на Китиаре, так принято.

Детектив согласно кивнул.

– На Китиаре принято. Но вы-то не являетесь гражданином Китиары, – напомнил Коллингем.

Брюнет изобразил на лице «Надо же!»

– У вас с Тай нашлось время, чтобы меня обсудить? – удивился он.

Алекс запоздало сообразил, что времени проверить гражданство посетителя у него не было. Оправдываться он не

стал. Ирония, сквозившая в вопросе, резанула детективу ухо. Вряд ли китиарец знал наверняка, чем они занимались с Тайни. Скорее, это было предположение. Не обсуждала же Роул интимные подвиги детектива с бывшим любовником? Хотя, кто знает, насколько далеко заходит китиарская незакомплексованность. Мысль была неприятна, хотя он, вроде, не оплошал...

– Мы очень плодотворно провели время с миз Роул, – дипломатично ответил Коллингем. – Она рассказала много интересного. – «Например, что ты – псих», – мысленно добавил Алекс. – Так у вас есть какие-то сведения о местонахождении пропавших? Или о том, как они провели последние несколько дней?

Китиарец закинул ногу на ногу, накрыл колено ладонями и помотал головой.

– У вас есть сведения о состоянии пропавших? Они живы? – продолжил детектив.

Майер вновь помотал головой.

– Нет, – вербализовал он свой ответ. – Увы, я, в отличие от нашей общей знакомой, – последние слова были сказаны с особой интонацией, которая не понравилась Алексу, – к спецслужбам не отношусь, и доступа к медицинским чипам не имею.

– Чем тогда вы можете помочь? – не понял Коллингем. В моральной поддержке – особенно от китиарцев – он не нуждался.

– Я, конечно, не Тайни Роул, – приторно-насмешливо произнес Майер, – но тоже кое-что умею.

– Не сомневаюсь, – в тон ему ответил Алекс.

– Как вы помните, моя специализация – информационная безопасность. А это значит, что я могу раздобыть информацию там, где другие не смогут, – тихо и абсолютно серьезно продолжил брюнет. – Никто не умеет обходить защиту так, как тот, кто ее устанавливает, – пояснил он для даунов.

– То есть вы хотите участвовать в расследовании? – уточнил Коллингем.

– Да.

Идея была соблазнительна. Но нереализуема.

– Боюсь, должен отказаться от ваших услуг. Для доступа к материалам следствия у вас нет соответствующего разрешения.

– Есть. Вам, наверное, еще не сообщили, – с некоторым сочувствием в голосе произнес Майер.

Сообщили. Алекс просто неправильно понял намеки об опыте работы с представителями Китиары. Детектив думал, что речь идет о пропавших исследователях. А, оказывается, о найденном помощнике.

– У вас есть идеи? – спросил детектив.

– Можно попробовать поискать их по коммам, – предложил Майер.

– Пробовали. Они отключены.

– Можно найти данные о том, где, – тут китиарец сделал

ударение, – они были отключены.

– На коммах стояла защита от навигационного контроля, – возразил Алекс и наткнулся на улыбку брюнета. – Тогда почему вы до сих пор их не отследили? Вам нужно мое позволение?

– Мне нужны позывные брата Тайни и их девушки, Эбигейл.

– Вы точно знаете, что он ее брат?

– О Тайни я знаю всё, – уверенно ответил китиарец. И было что-то предостерегающее в его словах. Хотя, казалось бы, чего им делить? Ноль на скольких не дели, всё равно получишь ноль.

– Если вы настолько с нею близки, почему не общались с Эмилем Роулом? – мило полюбопытствовал детектив.

– Потому что меня интересует Тайни, а не ее брат, – ответил Майер тоном школьного учителя, в десятый раз объясняющего тему. – Так вы дадите мне позывные?

Алекс загрузил комп, и на мониторе показалась бегущая строка от начальства с распоряжениями по поводу мистера Виктора Майера. Очень своевременно.

Коллингем продиктовал нужные данные китиарцу – по большому счету, тайну следствия они не составляли. Дал свой позывной. Майер пообещал, что сообщит, как только что-нибудь найдет, и откланялся.

По заведенному на Атоване порядку запрос о снятии защиты с навигационного контроля удовлетворялся через де-

сять суток после пропажи человека, если обстоятельства исчезновения не ясны. В течение суток – если были признаки насильственных действий. Подобные меры применялись и к беглым преступникам, если их вина доказана. В случае китиарцев дело осложнялось инопланетным гражданством. Без официального разрешения Китиары отслеживание координат было недопустимо. То есть сначала нужно было либо признать, что китиарцев похитили, либо доказать, что они преступники. В первом никто признаваться не спешил («нам неприятности не нужны»), а для второго не было доказательств. Одни версии на уровне галосериалов. Поэтому помощь – особенно от китиарца, пусть не по гражданству, так по рождению – была очень кстати.

В отделе стало шумно. Коллеги возвращались с оперативки. Алекс потянулся к кружке и решил, что кофе уже остыл. Чем не повод сбросить лишние эмоции? Возле кофе-машины топтался Дакбилл.

– Что, везет тебе на китиарцев? Мальчики-то у них тоже «огонь»? – с намеком спросил Сай.

– Не знаю, не пробовал. Но могу ему намекнуть, что ты интересовался, – душевно ответил Коллингем.

Дакбилл что-то буркнул в ответ, и тут до Алекса дошла странность подколки:

– А ты откуда знаешь про китиарца?

– Так капитан нам сообщил, что у тебя будет крутой помощник, – поведал Сай.

Ну, что за скотство? Чуть раньше о «помощнике» кэп сообщить не мог?

Алекс кивнул и направился к себе. Экстремистские группировки. На повестке дня – экстремисты-антикитиарцы. Чем глубже закапывался Коллинггейм в дебри поисковика, тем непригляднее становилась картина. К концу дня он более-менее определился с хронологией событий.

Глава 4

Антикитиарские выступления начались еще до прилета исследователей. Авансом, так сказать. Наверное, как побочное действие скандала с Бруксом. На некоторых форумах стали проскальзывать идеи, что от этих китиарцев одни беды. Сентенция, хорошо знакомая детективу. Но к прибытию представителей Исследовательского Корпуса она преобразовалась во «Все беды от китиарцев». В некоторых блогах появились развернутые обзоры, повествующие о преступлениях китиарцев перед Богом и человечеством. Мысли о том, что Китиара жаждет захватить мир и планомерно устраивает на других планетах эпидемии и прочие катаклизмы, которые потом сама же и устраняет. А иначе почему ей это удастся? Строились версии о том, когда и как на Атован был завезен синдром Хардена. Алекс со времен полицейской академии, где прослушал курс медицины, твердо помнил, что впервые синдром проявился у первопоселенцев. Не иначе, как вражеские агенты Китиары пробрались в число отцов-основателей. Жаль, что китиарцы в ядерных технологиях не сильны, а то бы их и в спектре местного светила обвинили.

В общем, возле космопорта китиарцев встречали с цветами, а у гостиницы их поджидал пикет. Служба безопасности отеля настойчиво попросила пикетчиков убраться. Ничто не омрачило приезд высоких гостей. Но бдительные зе-

ваки факт разгона зафиксировали, вызвав волну кулуарных обсуждений. Желтая пресса тоже не осталась безучастна. Обычно она пугала обывателей обещаниями конца света, всеобщего энергетического кризиса и грядущей победы энтропии над всем живым. На взгляд Алекса, это одно и то же, и неэнштейновская физика давно доказала беспочвенность подобных угроз. Но люди «пугались» и шушукались, замечая очередные приметы надвигающегося конца: «А вчера я видел...» – «Да что там, вот я с утра слышал!..» Беседа высокоинтеллектуальных людей. Теперь таблоиды устрашали зрителей предсказаниями новых катастроф с участием сверхлюдей.

Новая волна антикитарских настроений поднялась, когда китиарцы объяснили механизм возникновения болезни. Эбигейл Джонсон со знакомой невозмутимостью рассказывала про какие-то природные векторы, активируемые фотонами определенной волны. Из рассказа следовало, что синдром Хардена – это чуть ли не универсальная защита от местного солнца. Во всяком случае, так это понял Алекс. И не только он. Столб воня о том, что китиарцы хотят попере-заражать ужасной болезнью всех, поднялся до небес. Постепенно обвинения притухли. Обыватели легко переключаются на новые «страшилки», на фоне которых их существование уже не кажется таким мрачным. Атован жил своей жизнью. Появилась информация об истощении еще одного месторождения. Многим грозили увольнения. В этом китиар-

цев было сложно обвинить.

Но тишина продлилась недолго. На одной из улочек был обнаружен обезображенный труп мужчины, страдавшего синдромом Хардена в крайней степени. Харденовские «бляшки» с его тела были срезаны, и мужчина скончался от потери крови. Таблоиды запестрели сообщениями: «Супер-люди или нЕлюди?», в которых рассуждали о тех нечеловеческих методах, к которым прибегали китиарцы в своих исследованиях. Алекс по датам нашел дело и запросил его из архива. Следователем был Сайрус. По ДНК была установлена личность убитого. Им оказался сорокалетний Томас Гунн. Безработный, ранее числившийся пропавшим. Осведомители принесли информацию, что примерно год назад Гунн проиграл изрядную сумму серьезному человеку, после чего ударился в бег. Сай легко свёл концы с концами: беглец прятался на окраинах, а то и за пределами щитов – отсюда харден. Но и там его нашли и проучили. Криминальные разборки бывали очень жестоки, поскольку носили воспитательный характер для оставшихся в живых. Дело закрыли. Но публике столь очевидная версия не понравилась. Люди продолжали муссировать китиарскую тему. Устраивали пикеты возле исследовательского центра. Похоже, правительству требовалось немало сил, чтобы не дать этой грязи выплеснуться на центральные каналы. А тут смерть Бродски. Прямо праздник для души!

Теперь показания свидетелей становились объяснимыми.

Фит был ярким сторонником антикитиарских настроений. Дэнни отражала позицию тех, кто переживал за приезжих, но ничего не делал, чтобы их защитить. Смит – позицию чужаков. Последние в этом хороводе выглядели приличнее других.

Алекс не сомневался, что ответ на запрос в СБ исследовательского центра подтвердит слова Даниэлы Вуд. У директора однозначно были основания трусить. Но одно дело – потолкаться в пикетах, исцарапать стол или подкинуть в аэрокар дохлую кошку, и совсем другое – убить человека. Между этими двумя видами протеста дистанция огромного размера. К тому же, если бы это были разъяренные боевики-экстремисты, они бы просто перестреляли троицу, не заморачиваясь кляпами и плетками. А Алекс в глубине души всё-таки склонялся к тому, что картина преступления была инсценирована. Люди под «нирваной» не утрачивали физиологических функций. Детективу приходилось сталкиваться с делами о сексуальном насилии над жертвами под наркотиком. Он даже видел запись такого изнасилования. Со стороны никак не скажешь, что девочка была против. Но насколько нужно быть циничным, чтобы изнасиловать бессознательного мужика и после этого хладнокровно его убить? Ладно. Возможно, это была какая-то обиженная девица, которую китиарец грубо отверг. Но где он пропадал всё воскресенье? И что случилось с остальными?

Размышления Коллингейма были прерваны писком ком-

ма. Майер тоже провел этот день не зря. В сообщении значились координаты, где исчезли сигналы китиарцев.

Согласно информации от провайдера связи, комм Роула был отключен в понедельник, в десять тридцать утра, а коммуникатор Эбигейл работал до пятнадцати сорока. В это время Бродски уже был мертв. Ни одного исходящего вызова после двадцати одного субботы от китиарцев не было. В воскресенье на номер Роула было четыре вызова с одного позывного – от Даниэлы Вуд. Девушка беспокоилась. В понедельник входящих было столько, что от позывных и имен пестрело в глазах. Большинство из них были для Алекса пустым звуком. Майер к этим сведениям добавил, что оба комма не двигались с ночи на воскресенье и находились рядом, практически в одной точке. Координаты указывали на подземные этажи того самого борделя, где обнаружили труп Оуэна. Зона погрешности составляла пять метров во всех трех измерениях. Участок небольшой, но искать среди бесконечных хитросплетений труб, кабелей и коробов было непросто. Радовало одно: трупного запаха не было. Четыре часа вечерне-ночных поисков увенчались успехом, если так можно выразиться. Коммуникаторы нашлись в одном из коробов, запрятанными за провода. Выключились они из-за разрядки аккумуляторов. Коммы были девственно чисты. В них отсутствовала даже стандартная прошивка. В системе болтался лишь какой-то непонятный код.

Хмурый и сонный Коллингейм глушил двойной эспresso и ломал голову над очередной загадкой этого дела. Итак, в ночь с субботы на воскресенье случилось что-то важное. Кителиарцы зачем-то прибыли в третьесортный бордель и спрятали там свои коммы – или их спрятал кто-то другой, чтобы отвести след. В воскресенье – а может в ночь на воскресенье, Бродски избивают. Свои или чужие? Если чужие, и кителиарцев схватили, то как двоим удалось спрятать коммы? Коммуникатор Бродски был найден в номере вместе с телом. Выглядел он так, будто на нем танцевали жигу в шпильках. Чип памяти был поврежден, и эксперты полиции из него ничего выжать не смогли.

Может, кителиарцев схватили не одновременно. А может, не хватили вообще. Возможно, в группе действительно назревал скандал. Пока слова Даниэлы не противоречили истине, и если посмотреть под этим углом на версию Райана, то возможно, они оба не врут. Просто стажер не всё знал. Итак, конфликт достиг апогея, и кителиарцы подрались. Может, даже там, в борделе. Но Оуэна убили через сутки с лишком. Зачем нужно было заранее вырубать и прятать коммы? Не исключено, что из-за увлечения капитана – чем бы оно ни было – у Эбби и Эмиля возникли проблемы, и они оказались вынуждены прятаться. Бродски расплатился по долгам. А они... ждут появления своих?

Официальный представитель Кителиары вот-вот должен появиться. Алекс это нутром чуял. Он потянулся, чтобы вновь

отхлебнуть из кружки.

– Как успехи? – раздался голос за спиной.

Детектив оглянулся. Там стоял Виктор Майер.

– Пусто.

– В смысле, – брюнет прошел к креслу Олдмена, – не нашли?

– Нашли, – детектив кивнул. – Но в коммах пусто.

– Совсем-совсем пусто? – Китиарец не был удивлен, он уточнял, будто это имело значение.

– Программеры обнаружили нечто неопознаваемое, но пока не представляют, с какой стороны к нему подлезть.

Майер презрительно хмыкнул:

– Ну-ну...

– А вы, конечно, его вскроете в два счета, – саркастически заметил Алекс.

– Боюсь, что нет. То, что вы описываете, похоже на процедуру «аларм», – задумчиво произнес брюнет. – Так Исследовательский Корпус зачищает технику в случае опасности. Оставшаяся программа – ключ. Она позволяет по паролю выйти на ссылку, откуда можно скачать резервную копию данных. Проблема в том, что пароли у нас навороченные, а программа допускает только две попытки.

– «У нас»? – переспросил детектив.

– Нравится вам это или нет, но вырос я на Китиаре, – отрезал Виктор, будто тема для него была болезненной.

– И каждый китиарец с пеленок знает об этом самом

«аларме», – полуспросил, полуконстатировал Коллингем не без иронии.

– Молодой человек, – произнес брюнет тоном Фита, – подозреваю, что ваши представления о моей родной планете ограничиваются агитками в Сети и пламенными речами Тай. Чтобы вы знали: в Исследовательский Корпус входит не менее двадцати процентов граждан Кйтиары. Каждый пятый взрослый, – перевел он для даунов. – Понятно, в какие игры играют дети при почти поголовном вовлечении населения в шпионскую деятельность.

– Я только не понял: вы возмущаетесь или восхищаетесь?

– Информирую.

В отгородке повисла тишина.

– Вы можете отследить перемещения комм Бродски? – нарушил молчание Алекс.

– А что, его тоже не нашли? – удивился кйтиарец.

– Нашли. Нам нужно знать, где Оуэн был, начиная с субботы. А лучше – его передвижения за последнюю неделю. Не исключено, что это поможет распутать узел.

– А в самом коммуникаторе каких-нибудь намеков не обнаружили? – поинтересовался Майер.

– Он разбит.

– Можно посмотреть?

– Вы волшебник?

– Нет, я гений, – без ложной скромности сообщил брюнет. Кйтиарское отсутствие комплексов во всей красе.

– Хотите взглянуть? Только учтите: вещественные доказательства не должны покидать стен этого здания, – напомнил Коллингейм.

– Не проблема. Если вы обеспечите мне необходимый минимум оборудования, готов устроиться здесь.

Он повел рукой над столом напарника. Алекса соседство с китиарцем не радовало. Не расслабишься. С другой стороны, он на работу не расслабляться пришел. От мужика есть реальная польза. Вдруг и вправду что-нибудь наковыряет из утиля?

Алекс сформировал запрос на выдачу вещдока и встал.

– Позывные Оуэна Бродски мне назовите, прежде чем уйти. Чтобы я тут время не терял, – попросил Майер.

Всё-таки молодец мужик. Если бы он еще не был китиарцем... Но у каждого свои недостатки. Детектив продиктовал с монитора данные и дал компьютеру команду на отключение. Уголок рта брюнета дернулся. Ну да, ну да... Что для него полицейский комп? Ему всего день потребовался, чтобы взломать базу коммуниторной связи. Уж они-то трясутся над своими данными. Не то что Управление безопасности, куда технику покупают в секундхенде на вес.

С этой мыслью Алекс двинулся за коммом Оуэна, и ему в грудь врезалась летящая на всех парах Роул. Коллингейма развернуло, и он застыл, как каменный истукан с планеты Гея. Тайни обогнула детектива, будто он и был неодушевленным предметом, и остановилась в нескольких шагах от стола.

– Если я узнаю, что это ты, я тебя лично сдам Комиссии, – прошипела она, чуть повысив голос, но Алексу показалось, что переборки задрожали.

Глава 5

– Тоже рад тебя видеть, дорогая, – расплылся в счастливой улыбке китиарец. – Чем обязан столь душевной встрече?

– Прямо воссоединение семьи после долгой разлуки, – не смог остаться в стороне детектив.

Какой, к чертям собачьим, коммуникатор, когда здесь такое шоу намечается? Коллингейм просочился мимо китиарки, пока его молнией не сшибло, и устроился на своем кресле, будто он тут совсем не при чем.

Миз Роул даже ухом в его сторону не повела.

– Где Эмиль? – спросила она у соотечественника таким тоном, что Алекс сразу и безоговорочно поверил, что Исследовательский Корпус Китиары – это спецслужба.

– Пытаюсь выяснить.

Майер мотнул головой в сторону детектива, переключая внимание Тайни. Спасибо тебе, добрый человек! Роул повернулась к Коллингейму. Хорошо, что китиарцы не любят киборг-технологии. А то вживили бы ей в глаза по лазеру, и она бы его сейчас так «ш-ш-шу!», «ш-ш-шу!» по полному разряду из каждого орудия. И лежал бы Алекс бездыханный. И никакого секса перед смертью – почему-то ему припомнился Бродски. Повезло же парню напоследок. Возможно, именно за это детектив не любил китиарцев...

Коллингейм поймал себя на том, что сердце продолжает

биться, а значит, ничто не освобождает его от обязанности отвечать.

– Да, – подтвердил он. – Мистер Майер оказывает посильную добровольную помощь в расследовании дела об убийстве Бродски и поиске пропавших.

Тайни молчала. Воздух заискрился от напряжения.

– Вчера он выяснил местонахождение коммуникаторов Эмиля Роула и Эбигейл Джонсон, – продолжил детектив. – К сожалению, хозяев с ними не обнаружено, а сами коммуникаторы оказались пусты.

– И тебе ничего в этой ситуации не кажется странным? – вытаращив глаза и изобразив потрясение, поинтересовалась Тайни.

Хм. Если посмотреть под этим углом...

– Теперь ты будешь обвинять меня во всех неурядицах, которые случаются в твоей жизни? – невозмутимо влез с вопросом брюнет.

Как же, оказывается, Алекс скучал по китиарской невозмутимости. Сцена до тошноты напоминала типичные разборки бывших супругов после развода.

– Чувствуется опыт совместных ссор, – озвучил свои мысли Коллингем, и оказался под дулами обоих взглядов.

– Мы с Тайни знаем друг друга больше десяти лет, – уведомил Майер. Что-то подобное Алекс и предполагал.

– «Знаем»! – фыркнула Роул. – Как выяснилось, я тебя совершенно не знаю!

– А ты, дорогая, всё это время была чиста и откровенна, как Иоанн Богослов, – ответил ей в тон китиарец.

Сходство с семейным скандалом усилилось.

– Миз Роул, вы здесь, чтобы выяснить отношения с мистером Майером? Не смею вас обоих задерживать, улицы Атован-Сити к вашим услугам. – Алекс указал в сторону выхода и заново запустил комп.

– Нет, я прибыла в качестве официального наблюдателя, но мне отказали. Не можешь объяснить, почему? – Слова Тайни звенели, как ножи на тренировке по холодному оружию.

– Наверное, потому что твой брат считается подозреваемым в деле об убийстве Оуэна Бродски, – пожал плечами детектив.

– Эмиль?!

«Ш-ш-шу!», «ш-ш-шу!», – вновь послышалось Коллингейму, и он с трудом удержался, чтобы не вжать голову в плечи.

– Некоторые улики не позволяют рассматривать мистера Роула как потерпевшего, – пояснил он. – Разумеется, обвинение на данном этапе никто не выдвигает. Однако и подозрений никто не снял.

– И что это за улики? – полюбопытствовала китиарка, складывая руки на груди.

– Должен напомнить, что я не имею права обсуждать ход следствия с посторонними, – отрезал детектив.

– А он, – Тайни указала подбородком в сторону Майера, – не посторонний?

– Сведений о его причастности к убийству мистера Бродски и пропаже двух других представителей Исследовательского Корпуса у нас нет. У вас есть? – уточнил Алекс.

Китиарка помотала головой.

– Зато у меня есть сведения о непричастности к убийству Эмиля Роула, – заявила она.

– Излагайте, – Алекс жестом пригласил ее присесть к столу.

– Не при нем. И не здесь, – отрезала Тайни.

Детектив удивленно приподнял бровь. Роул смотрела ему в глаза, и в его взгляде читалась решимость стоять на своем до победного.

– Ладно. Вас можно оставить на несколько минут, пока я схожу за вещдоком? По возвращении здесь не будет два свежих китиарских трупа? – Алекс последовательно перевел взгляд с одного на другую. Оба молчали. – Один китиарский труп?

Ему вновь никто не ответил, и Коллингейм посчитал молчание знаком согласия. Он в который раз за сегодняшнее утро подал компьютеру команду на выключение и покинул отгородку. Детектив приложил все усилия, чтобы вернуться как можно скорее. В отгородке было тихо. Майер уставился в виртуальный экран, стуча по виртуальной клавиатуре. Тайни стояла в той самой позе, в которой была перед уходом

Алекса.

Детектив установил рамку тревоги на стенку. Если вещдок покинет эту границу, сработает защита. Теперь Коллингейм был готов к общению с Роул. Он протянул локоть.

– Ведите меня, прелестница, в свои укромные места для посвящения в ужасные тайны, – произнес он в жанре страшилок, но улыбки не удостоился. Тайни серьезно кивнула и направилась к выходу.

– Куда мы движемся? – спросил Алекс, когда они вошли в лифт.

– На крышу. Я вызвала аэротакси, – уведомила Тайни.

Роул смотрела куда-то вниз. В зеркальной стенке отражалось ее сосредоточенное лицо. Они хорошо смотрелись вместе. Правильно. Мощный, загорелый Коллингейм, и она – изящная, белокожая, похожая на фарфоровую статуэтку. Мужчина и Женщина. Она не женщина, напомнил себе Алекс. Она шпионка, обученная всяким психологическим штучкам. Более того – китиарка. Он для нее – умственно неполноценный даун. Урод. В голове прояснилось. Он – детектив. Она – сестра подозреваемого. В этот момент Роул подняла глаза, и их взгляды в отражении встретились. Коллингейм не успел распознать эмоции Тайни, прежде чем на нем застыла знакомая маска невозмутимости. Друг на друга смотрели не мужчина и женщина. Не партнеры. Не враги. Просто чужие люди. И Алексу почему-то от этого стало

грустно.

Аэрокар уже поджидал их на площадке. Тайни продиктовала название отеля, где раньше размещалась команда Исследовательского Корпуса. Это было неправильно.

– Я не могу пустить вас в опечатанные номера, – предупредил Коллинггейм.

– Я, – Роул сделала ударение, – собираюсь пустить тебя в свой, – опять ударение, – номер.

Алексу стало смешно.

– Отчего же такая щедрость? – поинтересовался он.

– Оттого, что там я могу чувствовать себя в безопасности.

– Тебе угрожали? – Насмешливое настроение пропало.

Тайни покачала головой.

– Там мы будем защищены от прослушивания, – глядя в окно, сообщила она.

Да она заигралась в свои шпионские игры!

– И кто же жаждет нас подслушать? – Коллинггейм не сумел сдержать яд в интонации.

– Вик.

– О-хо-хо! Борец с тоталитарным режимом Виктор Майер преследует агентов влияния на чужих планетах! – продекларировал он, воздев правую руку к небу. Тьфу-ты. От Смита подцепил.

Тайни окинула его знакомым нечитаемым взглядом.

– Он на мне помешан, – коротко сообщила китиарка.

Коллинггейму стало неприятно.

– А у вас при подтверждении гражданства мании величия не обнаружено? Или в пределах китиарской нормы?

Китиарка отвернулась и погрузилась не то в созерцание урбанистических красот Атован-сити, не то в свои мысли. Молчание затягивалось.

– Они живы? – нарушил тишину детектив. В принципе, и так было понятно. Если бы брат был мертв, Тайни вела бы себя по-другому. Про Эбигейл ничего утверждать было нельзя.

Роул кивнула.

– Самочувствие? – уточил Коллингем.

Девушка пожала плечами.

– Приборы отказали?

Тайни повернулась:

– Алекс, скажи честно, ты на чьей стороне? – спросила она, вцепившись взглядом ему в глаза.

О как!

– На стороне справедливости, – ответил Коллингем, складывая руки на груди.

– Тогда почему ты не хочешь меня слушать?

Женщины – они такие женщины!

– Миз Роул, а что я, по-вашему, здесь делаю?!

– «Миз Роул», – передразнила китиарка. – «По-вашему»... Алекс, что случилось? Мы же нормально работали вместе. Нормально разговаривали.

– А сейчас – ненормально? Всё в пределах устава, – де-

детектив развел ладони. И собрал их в замок. Черт! Кто бы мог подумать, что это так заразно?

– «Устава»... – повторила она. – А-а-а... Оказывается, детектив Коллинггейм действует по уста-аву, – будто это было для нее неким откровением.

– А надо как?

– Не знаю... Может, по-людски.

– По-людски? Право, затрудняюсь... – Алекс вновь поймав себя на шутовских интонациях Райана. – Люди, миз Роул, здороваются при встрече. И прощаются, когда уходят, – невесть с чего понесло детектива. Он притормозил и более спокойно добавил: – Воспитанные люди, во всяком случае.

В глазах китиарки мелькнул огонек понимания.

– Здравствуйтесь, детектив Коллинггейм, – она изобразила поклон. – Как дела?

– Здравствуйте, миз Роул. Спасибо, хреново. А у вас?

– Спасибо, еще хуже, – мрачно буркнула Тайни.

Алекс уже пожалел о своей выходке, но китиарка не остановилась на достигнутом. С приклеено-вежливой улыбкой на лице, деланно-заботливым тоном она поинтересовалась:

– А что случилось с вашим напарником? Олдменом, кажется?

– С ним случился отпуск на Парадизе, – скопировал интонации Коллинггейм. – Знаете ли, с людьми такое случается.

– А с вами?

Непонятно, на что намекала Роул, и детектив позволил се-

бе интерпретировать вопрос по-своему:

– А со мной не случилось. Всё, дела, дела...

– Личные? – якобы с надеждой в голосе поинтересовалась Тайни. Вот же язва!

– Уголовные, миз Роул, уголовные. А тут еще повышенный интерес со стороны высших кругов...

– Вам не привыкать, – не то утешая, не то издеваясь, прокомментировала собеседница.

– Не хотелось бы, – кивнул Алекс.

Тайни промолчала в ответ. А потом произнесла:

– А тут еще китиарцы со своими разборками. Всё ясно.

И отвернулась к окну.

– Хорошо вам, – позавидовал детектив. – Мне вот совершенно ничего не ясно.

– Например. – Роул обернулась.

– Например, вы снова оказались рядом совершенно случайно?

– Нет, я осознанно сюда летела. Издалека.

– Почему?

– Хотелось бы польстить вашему самолюбию и сказать, что я по вас соскучилась...

– Ну, так смелее, льстите. Не сдерживайте желаний, идущих от сердца, – Алекс взмахнул рукой, демонстрируя, как идут от сердца эти самые желания, и в очередной раз ругнулся в адрес Райана Смита и его прилипчивой манеры поведения.

– ...но дело в том, что я летела к Эмилю. Из-за меня он оказался по уши в проблемах.

– Из-за тебя?!

– Алекс, – китиарка взглянула на приборную панель. – Нам осталось лететь пятнадцать минут. Ты можешь потерпеть?

– Не понимаю, почему нельзя поговорить прямо здесь.

– Потому что я не хочу, чтобы нас слышали.

– Роул, а мании преследования у тебя не обнаружили?! – вырвалось в сердцах у Коллингейма.

– Не обнаружили, – уверила та.

– Наверное, тогда болезнь была в зачаточном состоянии. С тех пор она пустила корни, распушила ветви, скоро первые плоды принесет...

– Алекс, – устало произнесла Тайни, – ты просто не представляешь, на что способен Вик.

– И на что?

– Даже я этого не представляю. Но в том, что касается информации, он гений. Гений даже по нашим меркам.

– И ты всерьез полагаешь, что он убил, – «и изнасиловал» чуть было не проболтался Алекс, поймав слова на самом кончике языка, – Оуэна только для того, чтобы тебя увидеть? Тебе не кажется, что есть способы попроще?

– Есть, – согласилась Роул. – Но они совсем не такие интересные.

– Тайни, а почему он не стал подавать на гражданство?

Раз нельзя разговаривать о деле, можно поговорить о чем-нибудь другом. Или о ком-нибудь другом.

– Потому что он псих.

– Я это слышал. Но он не производит впечатления психа. Нормальный мужик. Только китиарец.

Роул, видимо, заметила неприязненные нотки в последнем предложении и покосилась в сторону Алекса с насмешкой.

– А что на тебя запал, – продолжал Коллинггейм, – так ты сама говорила, что ничто человеческое вам не чуждо.

– Стыдно сказать, но я сама не знаю, почему, – неожиданно призналась Роул. – Если бы у него были какие-то симптомы, я бы их заметила. Это моя профессия.

– То есть, может, он и не псих? – уточнил детектив.

– Алекс, он на протяжении всего знакомства манипулировал мною.

– Молодец, – одобрил Коллинггейм. – Как ты думаешь, если я спрошу, как ему это удавалось, он поделится секретом?

– Он меня использовал! – возмутилась китиарка, будто это был решающий довод.

– И что? А ты использовала меня. Я же по этому поводу монологи из «Короля Лира» не декламирую?

– Ой, поматросили и бросили... – с сюсюкающими интонация «посочувствовала» Тайни.

– И даже лести для самолюбия пожадничали, – пожаловался детектив. – Но я не обидчивый. Если будет настоятель-

ная потребность – пользуйтесь на здоровье, – уверил он, хотя слова о настоящей потребности для здоровья скорее относились к нему. – Психически больной я тебя из-за этого не считаю.

– А почему тогда он не подал на гражданство? – взъелась Роул.

– Вот и я тебя о том же спрашиваю. Слушай, ну, даже если он действительно псих...

Гений-то он однозначно, добавил Алекс про себя. Заставил в свое отсутствие обсуждать его персону, вместо того чтобы... Короче, вместо. Хотя Роул, конечно, сестра подозреваемого. Но, вроде, она обещала доказать его невиновность...

– Так вот, если он действительно псих, – продолжил Коллингем, – чем ему это грозит?

– Девианты попадают под контроль Комиссии.

– А так он шляется, где хочет, бесконтрольно?

– А так он шляется, где хочет, – поправила его Тайни.

– В смысле, его свободы лишат, что ли? – догадался Алекс. – В психушку посадят?

– Не психушку в вашем понимании. Он будет работать на Китиаре под контролем врачей.

– Которые будут изучать его как подопытную морскую свинку.

– Зачем сразу впадать в крайности? Зато он будет безопасен.

– Я так понимаю, – влез детектив, – что он будет опасен везде, где есть выход в Сеть.

– Алекс, не умничай. Он же не один такой гений.

– А... – догадался Коллинггейм. – Вы там солите гениев бочками, чтобы они потом шпионили друг за другом.

– Не нужно говорить о том, в чем ты не разбираешься, – оборвала разговор кйтиарка.

Не всё спокойно в датском королевстве... В смысле, кйтиарском матриархате.

Глава 6

Впереди показался Академический квартал. Аэротакси донесло своих пассажиров до крыши отеля, и Роул с гостем вошли внутрь. Апартаменты китиарки оказалась копией номеров ее коллег. Трансформер был представлен кроватью. Роул щелкнула пультом, и он превратился в комфортный диван. А жаль! Алекс на таких кроватях еще ни разу...

Роул тем временем продолжала моделировать комнату, поднимая из пола тумбочку и «подзывая» из дальнего угла буфетный столик. На тумбу она установила комм, из столика вынула две кружки и упаковку каких-то печенек. Видимо, планируется долгий просмотр.

– Теперь говорить можно? – уточнил Коллингейм.

Китиарка, наполняя кружки напитком с фруктовым запахом, кивнула.

– Нас точно не подслушают? – еще раз спросил детектив.

Вновь кивок.

– Точно-точно?

– Алекс, говори уже, чего хочешь, – сердито выдавала Тайни.

– Ну, я подумал, вдруг твой Майер нам на одежду жучков нацеплял... – намекнул детектив.

– И-и?

– И, может, ее снять, чтобы уж наверняка?

Тайни отреагировала мгновенно: коротким движением поставила кружку на столик и швырнула в Коллингейма подушку с дивана. Алекс прикрылся рукой быстрее, чем успел что-либо сообразить. Оружие нападения улетело в сторону стола, опрокинув посудину. Напиток выплеснулся прямо на брюки Роул.

– Вот видишь, – заметил Алекс, не дожидаясь упреков. – А если бы на тебе не было одежды, достаточно было бы просто сходить в душ...

На лице девушки отразилась сложная гамма чувств. В итоге она встала и произнесла фразу на непонятном языке. Комм замигал, распускаясь над тумбочкой стандартной космической заставкой. Девушка скомандовала еще что-то и обратилась к детективу:

– Посмотри, пока я буду переодеваться.

Космос сменился изображением Эмиля Роула.

Китиарец что-то прошептал и поднял руку в приветственном жесте. Лицо его расплылось в радостной улыбке.

За спиной детектива Тайни дала комму команду. Алекс обернулся и успел заметить голый бок прежде, чем она скрылась. «Как одевается твоя девушка?» – вспомнился ему бородатый анекдот. – «Быстро!» Когда успела раздеться? И зачем было так быстро убежать?

– Сестренка, привет! – прозвучал мужской голос на общесоюзном, обретая тембр и интонации говорящего. Переводчик подстраивался. Детектив сосредоточился на галоза-

писи. – Долетели мы нормально, – теперь перевод полностью синхронизировался, только артикуляция не совпадала с произносимыми звуками. – Встретили нас с положенным для планет подобного класса пиететом.

Шатен изобразил надутое от важности лицо. Его мимика была очень живой. Сложно было заподозрить в молодом человеке невозмутимого китиарца. У Алекса мелькнуло подозрение, что невозмутимость – норма поведения с чужаками. Это объясняло и вспышку эмоций Тайни в отношении Майера. Может, Роул и считала его врагом, но он оставался «своим». В отличие от Коллингейма.

– Твой знакомый – профессор Фит – просил передать сердечный привет, – Роул-младший изобразил поклон с взмахом воображаемой шляпой в стиле галосериалов о древней Гее. – На этом хорошие новости кончились, – парень развел руками и скорчил физиономию а-ля «Звиняйте!»

До детектива дошло, что театральная манера общения, которая прицепилась к нему после посещения исследовательского центра, принадлежала не Райану. Стажер «поймал» ее от этого оболтуса, полностью оправдывающего свою фамилию.

– Колючка Эбби обнаружила на зеркале своего санузла надпись красной краской: «Убирайтесь к себе домой, гмо!» – Эмиль говорил ровно, констатируя факт. – Классика ксеноцида. Центр объявил код «Гамма». Краску смыли. Номера проверили: «насекомых» нет. Тренируем «доброжелатель-

ную улыбочивость».

Он обаятельно улыбнулся. Очень приветливо. Ни за что не скажешь, что улыбка была фальшивой. Ш-шпионы. Супер-агенты хреновы.

– А вообще мне тут понравилось, – продолжал парень свои излияния. – Дикая планетка. Брутальная. Прямо как на картинке у тебя в звездолете. Народ такой... незашуганный. Сервис на уровне. – Он несколько раз качнулся на кровати. Ни скрипа! – Завтра посмотрим, что у них за лаборатория, – Эмиль потер руками в предвкушении. – Как там, кстати, у тебя с новой миссией? Мама говорила, ты в последнее время редко маякуешь. Совесть имей.

Дальше Эмиль взывал к родственным чувствам сестренок, намекая, что Семья – это святое, и т. д. Наконец он простился. Тайни сзади скомандовала комму остановить просмотр. Когда подобралась? Алекс обернулся. Китиарка была в мягких широких брюках и свободной блузе с длинными рукавами. То и другое было призвано скрывать ее фигуру, но каким-то непостижимым образом ее только подчеркивало. А может, дело в воображении Коллингейма. Такими темпами эротика ему начнет видаться даже в абстрактных пятнах стеновых панелей.

Следов пролитой жидкости уже не наблюдалось: она успешно впиталась поверхностью столика и полом. Роул со снобизмом, достойным лучшего применения, убрала опрокинутую кружку в отделение для грязной посуды. Вынула

чистую чашку, наполнила ее и осторожно придвинула столик к Коллингейму. Не собрался он ничего опрокидывать. Он конечно, дикий, brutальный и незашуганный, но не до такой же степени!

– Код «Гамма», – стала пояснять Роул обычным нейтральным тоном, – это название модели поведения в условно-агрессивной среде. Предполагает нейтрально-доброжелательное поведение в пределах принятых в сообществе социальных норм. Минимизацию межличностных отношений. Повышенные требования к технике безопасности.

– Как ты себя и вела? – уточнил Алекс.

– Нет, я себя вела в стандартном режиме одиночек. По данным Стоунбридж, общество Атована не проявляло агрессивности к нашей культуре. Мои наблюдения это подтвердили. Когда я улетаю, прогноз был благоприятный, – в тоне китиарки промелькнули нотки оправдания.

– Но что-то пошло не так... – продолжил за нее Коллингейм.

Тайни кивнула.

– Слушай, а когда ты успела познакомиться с профессором Фитом? – вспомнил детектив. – Консультировалась у него по синдрому Хардена?

Роул поморщилась, глотнула из кружки и вернула ее на стол. В исполнении китиарки это вульгарное действие приобрело аристократический шик.

– Нет, я пересеклась с ним, когда в первый раз сюда при-

летела. Мне пришлось объяснять, почему службы Китиары узнали о смерти Стоунбридж прежде, чем вы. К нему обратились как к эксперту.

– И как он?

– Как он. Светило местной медицины. Этим всё сказано.

– Ярым антикитиарцем он был уже тогда или стал им после общения с тобой? – поинтересовался Алекс.

– А с чего ты взял, что он противник Китиары? – удивилась Роул.

– С его слов.

– Странно. На меня от такого впечатления не произвел, – задумчиво произнесла Тайни. – И Эмиль ничего не говорил... О Фите он вообще мало рассказывал, – девушка подняла взгляд на детектива. – Разве что вскользь упоминал. Формально профессор руководит работами по Хардену, но по факту, как я поняла, около десяти лет назад болезнь официально признали неизлечимой и исследования, как таковые, по ней прекратили. Поэтому всерьез нашу группу никто не воспринял. Фит и мешать им не мешал, но и помощи особой не оказывал.

А по словам Смита, всё было совсем не так. Впрочем, Роул-младший не обязан жаловаться сестренке на каждого злого дядю, который его обижает. К тому же он мог не знать, как обстоят дела на самом деле. Китиарцев профессор, скорее всего, не трогал. А наученные горьким опытом атованцы могли и не докладывать, по какой причине перестали захо-

дить в гости к коллегам.

– Что еще он рассказывал?

– Давай, я дальше включу. Здесь не все его записи, – уточнила Тайни. – В большинстве своем они носят личный характер. Поэтому я сделала подборку того, что имеет отношение к делу.

Алекс не слишком поверил в то, что ничего интересного в других записях не было. Но к этому вопросу он сможет вернуться позже. Тайни запустила следующее галописьмо.

Глава 7

– Нас перевели в режим «Бета», – мрачно начал парень без предисловий. Или предисловие обрезали. Эмиль опустил голову между ладоней, взлохмачивая пальцами волосы. – В рабочем кабинете ночью устроили погром. Перебили оборудование, что, в принципе – бессмысленный вандализм. Оборудование всё равно не наше, а местное. Все в шоке. Фит устроил разнос начальнику охраны. Орал про миллионы, выброшенные на ветер из-за его халатности. Начальник охраны лупал глазками и твердил, что понятия не имеет, как же это произошло. Вообще, – парень поднял глаза на камеру компа, – здесь творится нечто странное. На днях в аэрокар Эб-би подбросили труп кошки, – он подтверждал увесистость фактов жестами. – С нами была Дана, местная девушка, медик, с нами работает. Она сначала подумала, что животное пригрелось и уснуло, потянулась погладить... Столько визгу было. Пришлось сообщить в службу безопасности.

– В смысле, – повернулся Алекс к китиарке, и та остановила воспроизведение, – обычно они в службу безопасности не обращались?

Тайни помотала головой.

– Нет. В условно-агрессивной среде это наиболее эффективный способ поведения, – пояснила она. – Любая негативная реакция на агрессию со стороны «жертв» провоцирует

еще большую агрессию. Там много факторов, – Роул pokrутила пальцами невидимый клубок, в который спутались эти самые «факторы». – Сам факт сопротивления. Чувство вины, которое быстро подавляется оправданием, что «он сам виноват, мало ему». Обращение за помощью к власти имущим воспринимается как проявление личной слабости. К тому же, привлекая внимание к свершившимся враждебным актам, мы их как бы легализуем. В результате происходит эскалация. Это...

– Я знаю, что такое «эскалация», – поморщился Коллингем.

– Хорошо, – кивнула Роул и продолжила, будто не заметила его реакции – видимо, чтобы избежать той самой «эскалации»: – Агрессию «тушат», игнорируя ее. Люди постепенно привыкают к чужакам, видят, что они нормальные люди, уровень враждебности снижается.

– А тут не снизился?

– Нет.

– Метод дал сбой?

Роул покачала головой.

– Нет, метод не дает сбоев, – возразила она. – Что-то не так с системой. Ситуация развивается парадоксально.

– Атованцы не такие как все?

Тайни отрицательно помотала головой.

– Думаю, дело в том, что стандартные методы рассчитаны на закрытые системы, без внешнего влияния, – китиарка

вернулась к обычному нейтральному тону. Сапер на минном поле. Модель поведения с условно-агрессивным аборигеном.

– И тут ты заподозрила психа-диссидента Виктора Майера...

Роул скривилась:

– Я вообще о нем не думала...

Алекс не поверил. На чем бы ни рассталась эта парочка, Майер хотел, чтобы бывшая любовница о нем думала. Это было очевидно. А поскольку он, несомненно, был гением...

– Совсем-совсем? – уточнил детектив.

– В этом контексте я о нем не думала, – твердо ответила Роул. – Я вообще не знала, где он и чем занимается. – Она помолчала и добавила: – Вик не прогнозируем.

Что-то было в ее последних словах... Но об этом Коллингейм подумает позже.

– Тогда с чего этот спектакль в Управлении?

– Я вела себя недопустимо. – Тайни склонила голову. Сухая констатация факта. Агент вышел за пределы «кода» и пойман местными с поличным. Явка провалена, но пароль пока не сдан. – Я знала, что дело ведешь ты. Мне только что отказали как наблюдателю без объяснения причин. И тут я вижу его рядом с тобой. Всё сложилось: внешнее влияние на систему, возвращение ненависти к Китиаре, отказ мне как официальному представителю. При его уровне владения информационными технологиями, устроить всё это не составляет труда.

– Согласен, возможности у него есть. А мотив? Обладание тобой?

При всей своей сексуальной неудовлетворенности, у Алекса не укладывалось в голове, что все эти сложные действия производились только ради того, чтобы поиметь бабу. Симпатичную. Даже красивую. Но их же валом, даже вокруг Коллингейма. А уж Майер то тем более отбоя от красоток не знает.

– Он на мне помешан, – упрямо повторила Роул.

– С чего ты взяла? Он сказал, а ты и уши развесила?

– Если я скажу, что это подтверждается его предыдущим поведением, ты мне поверишь?

Бесстрастный тон, нечитаемая маска на лице.

– Нет. Я поверю только объективным фактам.

Роул кивнула.

– Я поняла твою позицию. Продолжаем?

Не дожидаясь ответа, она запустила просмотр. Галография шатена ожила.

– ...Знаешь, я не могу понять, – продолжил он, не зная, что смысл его галописьма будут разжевывать дауну. – Они ведь нормальные люди. Я разговариваю с ними, смотрю им в глаза: они нормальные. Улыбаются, смеются шуткам. А потом ты приходишь в свой кабинет, а у тебя на кресле синтетическая кровь...

На живом лице Эмиля читалось недоумение. Руки раскрылись и будто опустились под тяжестью предательства.

– Тай, что мы делаем не так? – спросил он у сестры.

Алекс перевел взгляд на Роул. Она сидела сторбившись, спрятав рот за сжатыми в замок пальцами.

Запись сменилась.

– Сестренка, привет! – произнес парень, не глядя в сторону комм.

Детектив пытался подобрать слово, чтобы описать состояние ходившего из стороны в сторону китиарца. Волнение, нетерпение, воодушевление? Он был в белом халате, запись велась из лаборатории.

– Мы совершили прорыв! Мы это сделали! – он повернулся к камере, дважды хлопнув руками над головой. – Конечно, сама идея принадлежит Эбби, но я тоже внес свой вклад. Итак, – он, наконец, перестал мельтешить и оседлал стул, развернув его спинкой вперед, – мы разгадали тайну синдрома Хардена. Рассказываю по порядку.

Он дважды качнул раскрытыми ладонями, будто пытался остановить напивавшего от любопытства зрителя.

– Мы обрабатывали материал по всем параметрам, в том числе и по ДНК. Пробы неизменно показывали определенную долю сходства сверх общебиологической нормы. Допустимо, учитывая относительную малонаселенность планеты и неизбежное близкородственное скрещивание. Мне стало интересно вычислить, кто же оказался таким плодовитым. Знаешь, – он взмахнул рукой, вытянув пятерню «стаканчиком», – типа, найти генетических Адама и Еву Атована. К

работе это отношения не имело, просто любопытно. И, в общем, оказалось, что все пациенты имели в ДНК одни и те же последовательности. Внимание! – Он поднял кверху палец. – Не имеющие к генотипу человека никакого отношения! Мы с Эбби стали разрабатывать вирусную теорию синдрома. – Роул-младший синхронно водил перед собой руками из стороны в сторону, видимо, демонстрируя метания ученых. – Провели исследование на пациентах, находящихся в клиниках с диагнозом «синдром Хардена». Никаких признаков воспалительного процесса. Лейкоциты в норме.

Роул остановила кадр и сообщила:

– Лейкоциты отвечают за иммунитет. По соотношению разных типов лейкоцитов в крови определяют характер и причину воспалительного процесса, – пояснила она.

– Спасибо, биологию в школе изучал, – едко прокомментировал Алекс.

Тайни невозмутимо кивнула, показывая, что приняла к сведению. Странно, но желание доказывать, что он не даун, у Алекса не то что пропало напрочь, но слегка притухло. Его слышали, этого оказалось достаточно. Видимо, метод всё-таки работает. Кадр тем временем ожил.

– ...Тогда Оуэн высказал дикое предположение: может, здесь нормальной является другая лейкоцитарная формула? Мы взяли контрольную группу. Формула лейкоцитов у них оказалась такой же, и... – Его руки взмыл вверх, видимо, изображая салют. – Пабам! – пропел он, и его указательный

палец уткнулся в зрителей. – У них тоже были эти самые последовательности, – произнес он, довольно качая головой в такт словам. – Стопроцентная зараженность местного населения. Включая нас. – Он подался вперед. – Вот так. Тогда Эбби предложила поднять материалы по аборигенной биоте Атована. Это было непросто, – Эмиля повело в сторону, вслед за взмывшей вправо рукой. Судя по тону, он не жаловался, а хвастался. – В городах ее нет, пришлось искать на открытках...

– «Открытками» у нас называют территории, не закрытые противорадиационными щитами, – пояснил Алекс.

– Спасибо, – поблагодарила Роул, хотя, наверное, и сама об этом знала.

– Аборигенная флора и фауна здесь имеют геогенное происхождение. Жизнь, видимо, была завезена поселенцами с древней Геи в доколониизационный период. По этому поводу у местных биологов есть несколько гипотез. Бродски с ними тут такой диспут закатил... – в тоне парня звучало восхищение и, может быть, даже зависть. – Но не в этом дело. – Он помотал головой и усилил невербалику отрицательным жестом ладони. – Суть в том, что очень схожие последовательности ДНК есть у всех местных видов. И все они покрыты своего рода панцирем. Тогда Эбби высказала, не побоюсь этого слова, гениальную гипотезу. Что панцирные бляшки, тот самый синдром Хардена, – это не болезнь. Это эволюционно возникший на Атоване биологический способ защи-

ты от местного излучения. Совершенно нестандартный способ. В отношении вирусов так не говорят, но это своего рода симбиоз между многоклеточным организмом и вирусом. Их коэволюция, взаимовыгодное развитие. Причем, что еще удивительней, – он ткнул пальцем в сторону комма, – в этом симбиозе участвует не один, – Эмиль крутил руками, будто наматывал на них пляжу, – а несколько разных вирусов-векторов...

Девушка остановила просмотр.

– Векторы – это активные участки ДНК, которые используются в генной инженерии. Они встраиваются в ДНК хозяина, и его клетки начинают производить чужеродный белок, – пояснила Роул.

Алекс кивнул, и запись продолжилась.

– Эти вирусы спокойно себе летают в воздухе, – парень поднял взгляд вверх и качнул рукой, будто помахал невидимым симбионтам, – и селятся во всех, кто здесь появляется. Ты, сестренка, не исключение, – китиарец подмигнул. – Но образование харденовских бляшек активируется только особым излучением. Мы проверили на себе. Стоит поддержать кожу на местном солнце открытой, как в ней сразу начинается синтез «панцирных» белков, – каждое слово он акцентировал движениями пальцев, будто стряхивал с них воду. – Чем больше открытой кожи и солнца, тем больше их создается. Без излучения вирусы спят. Поэтому ты хоть и являешься носителем, в броненосца не превратишься, – утешил Эмиль

свою слушательницу. — У аборигенных животных этот симбиоз пошел дальше, поэтому без местного светила им живется плохо. К человеку, похоже, вирусы только начали подстраиваться, мутировать в наиболее жизнеспособные формы. Но им особо разгуляться не дают. Предложение не оценили. Вот так. — Он улыбнулся. — Пойду писать статью о зловеще-доброжелательных вирусах Атована.

Изображение Эмиля растаяло, сменившись космической заставкой. Алекс потянулся за своей кружкой и глотнул фруктовый напиток. Для человека, привыкшего к черному кофе без сахара, было слишком сладко. Но пить можно. Детектив думал о том, что если бы об открытии рассказывала не замороженная Эбигейл Джонсон, а обаятельный раздолбай Эмиль Роул, возможно, реакция атованцев была бы совершенно другой. Даже Алекс понял смысл сказанного. Впрочем, если бы Эмиля выставили перед камерами, скорее всего, он вещал бы с обычной китиарской невозмутимостью. У них же того... код «Бета».

Запись сменилась. Роул сидел на гостиничной кровати, точной копии того трансформера, на котором сейчас располагался Алекс. Его голый торс уступал по накачанности Коллингейму, но под кожей вырисовывались жгуты мышц. Китиарец. Хиляков там нет. Волосы парня были включены.

— Привет, сестренка! — вполголоса проговорил он. — Прости, давно тебе не отвечал. Было не до того. У нас тут тихо, как за иллюминатором космолета. Наш успех, похоже, ока-

зался провалом. – Эмиль был не то уставший, не то сонный, не то просто не в настроении, и в кои-то веки сидел спокойно. Говорил он, глядя куда-то в сторону, непривычно ровно, словно решил подтвердить предыдущие мысли детектива. – Лечения от синдрома Хардена, похоже, не существует. Только профилактика – избегать прямого излучения. Но этот метод был известен и раньше. Мы пытаемся идти против местной природы, а она сопротивляется. Люди тоже. Вчера привезли труп больного с дальнего рудника. С утра приходим в морг делать вскрытие, а у него нож в сердце. Не как причина смерти, а посмертно. Просто, элегантно, с намеком. Но, знаешь, Тай, – он поднял взгляд в сторону комм, – ты зря себя винишь. Я ничуть не жалею, что сюда прилетел. Здесь я встретил... – Он чуть сдвинулся и обернулся. За его спиной стала видна подушка, по которой разметались белокурые волосы. Их хозяйка лежала спиной к зрителю, но Алекс и так понял, кто это. – Я тебя с нею познакомлю. – Роул повернулся к камере. – Она тебе понравится. Я по-настоящему счастлив, Тайни. И это всерьез.

Он поднял руку в прощальном жесте и растворился в космической заставке. Код «Бета», код «Бета»... Молодцы, ребята. Один устраивает публичные диспуты в научном сообществе, другой заводит шашни с аборигенкой. Ну, во всяком случае, гипотезу о возможности серьезных отношений между китиарцами и некитиарцами можно считать подтвержденной.

– Я тебя с нею познакомлю, – пообещал Алекс китиарке.

– Да, это очень серьезная заявка. Другими словами, Эмиль сообщил, что собирается ввести ее в Семью.

До Коллингейма дошло, что девушка посчитала, что он просто повторил фразу за Роулом-младшим.

– Нет, я действительно тебя с нею познакомлю. Она работает в исследовательском центре. Помнишь, Эмиль рассказывал про девушку, которая обнаружила дохлую кошку? Даниэла Вуд.

Во взгляде Роул мелькнуло удивление, но она промолчала и включила продолжение.

Волосы Эмиля опять были всклочены, и он был не в номере, а в лаборатории. Он вновь был возбужден и ходил из угла в угол.

– Тай, я опять пропал, прости. У нас наметился прорыв, – сказал Роул-младший без обычного приветствия и взлохматил пальцами волосы. – В общем, я «раскачал» панцирные белки. При определенных условиях они разлагаются. Продукты разложения зависят от факторов, но важно, что образование бляшек – обратимый процесс. Пытаюсь найти вариант, который можно было бы запустить в живом организме. – В лаборатории пискнул какой-то прибор, и парень направился в его сторону. – До встречи! – кинул он через плечо и поднял руку в прощальном жесте.

Да уж, краткость – сестра таланта.

– Это последнее галописьмо от Эмиля, – сообщила Тай-

ни. – Еще было текстовое. Пришло неделю назад.

Китиарка смоделировала галоекран, и на иллюзорном мониторе появилась строчка на незнакомом языке. Автоматический переводчик прочитал: «Я знаю, в чем проблема. Нам срочно нужна помощь».

– И ты полетела сюда?

– Алекс, я находилась практически в противоположном секторе Союза. Полтора месяца в пути.

Что ж, это объясняло характер общения. Не живой разговор по комму, а галописьма. К ним обычно прибегают, когда между абонентами слишком большое расстояние. Нет уверенности, что ты не разбудишь своим вызовом. К тому же задержка сигнала, «нулевые» зоны и так далее.

– Нужно было отправиться раньше. – Тайни снова прикрыла рот пальцами, собранными в замок. – Но у меня была работа. И кто знал, что до этого дойдет?!

Роул посмотрела в глаза детективу, и ему почему-то стало стыдно. Будто он лично виноват в том, что произошло с инопланетной командой исследователей.

– Это всё? – уточнил Коллингем.

– В субботу, в 21:45 по местному времени, на коммуникаторах Эмиля и Эбигейл Джонсон был запущен «аларм». Аларм – это...

– Майер рассказал.

Роул покачала головой.

– Однако.

– Не должен был? – поинтересовался Алекс.

Тайни пожала плечами.

– Просто удивлена, что он способен вести с тобой конструктивный диалог.

– А почему у него должны возникнуть проблемы в диалоге со мной? – удивился детектив.

Роул усмехнулась.

– А, понял, понял, – Алекс поднял руки в защитном жесте. – Он на тебе помешан.

Девушка обреченно махнула рукой.

– Как они? – перескочил детектив на интересующую его тему. У Роул должны быть данные с медицинских чипов пропавших.

– Живы, но под действием психотропов. Ты же понимаешь, что я не могу показать эти записи широкой публике? – перешла Тайни к вопросу, насущному для нее.

– Не можешь, – согласился Коллингем. – Во-первых, это однозначно настроит присяжных против. Во-вторых, я верю, что Эмиль по доброй воле не убивал Бродски. Но доказательством его невиновности эти записи не являются. Ты очень помогла в расследовании. Спасибо.

Детектив допил фруктовую бурду и встал.

– Так ты подключишь меня к делу? – Роул тоже поднялась.

– Неформально. Без полного допуска к информации, – предупредил Алекс.

– Устроит.

– Нужно проверить, как там успехи у Майера, – сообщил детектив.

– Нужно, – согласилась Тайни.

– Встретимся завтра в десять у исследовательского центра, – обозначил границы Коллинггейм.

– Завтра в десять у исследовательского центра, – повторила Роул и протянула руку для прощания. Ладонь Тай была горячая и сухая. Рукопожатия не получилось. Их пальцы сцепились, как крючки. Отпускать ее не хотелось. Но надо.

Алекс отсалютовал и вышел из номера китиарки.

Глава 8

Он сел в аэротакси и задал маршрут на Управление. Лететь далеко, он может спокойно пораскинуть мозгами над новой информацией. Итак. На китиарцев кто-то целенаправленно натравливал толпу. Причем, именно на этих троих китиарцев. Стоунбридж, Тайни Роул, тот же Виктор Майер жили себе на Атоване припеваючи. В то, что гонителем мог быть компьютерщик-безопасник, Алекс не верил. Нет, Майер мог бы спровоцировать обсуждения в Сети, подкупить пару человек для провокаций, типа надписи на зеркале. Но пикеты? Коллингейм был прагматиком. Он точно знал, что в пикетах люди стоят только в двух случаях: если им платят и если им не платят. Тут явно первый случай. Опять же, если Майер действительно хотел добиться благосклонности Роул, как она уверена, зачем было убивать Бродски? Ну, ладно, запугал младшего брата пассива, дождался, когда она прилетит на выручку, и спас обоих из горящей крепости, в которую сам же загнал и которую сам же поджег в образе дракона. Пабам! Вот он, Принц на Белом звездолете.

Извращенное убийство Оуэна в этой сказке было чуждым элементом. Если только между двумя китиарцами не стояла давняя вражда. Нужно проверить контакты. Черт! А Алекс так удачно отдал в пользование Майера то, что осталось от комм Бродски. Хотя спецы Управления всё равно там ни-

чего не нашли. И всё же Коллингейм запустил поиск совместных изображений Бродски и Майера в Сети. Над коммом неуловимо мелькали галографии – программа перебирала их в поисках сходства. Постепенно мельтешение слилось в одно мутное пятно. Ночной недосып дал о себе знать. Алекс видел во сне языки пламени, лизавшие крышу небоскреба. У самого края стояла Тайни и, сложив ладони рупором, что-то кричала ему сквозь едкий черный дым. Бесполезно. Рев пламени поглощал ее слова, как огонь – стены. У ног китиарки без чувств лежал Эмиль, и его расслабленное лицо казалось еще моложе. Алекс упорно пытался приземлить аэрокар на крышу, но автоматическая система защиты, встроенная в транспортное средство, не давала. Он тянул Тайни руку, но понимал, что так сможет спасти только ее. А без брата она никуда не полетит. Детектива охватило бессилие...

И он проснулся.

В аэротакси пищал датчик. Он сообщал, что конечная точка маршрута достигнута. Поисковик проинформировал, что совпадений не обнаружено. Коллингейм сунул комм в карман и вышел на крышу Управления. Порывистый ветер, толкавший детектива в спину, предвещал грозу. На западе уже виднелись тучи, которые медленно, но неуклонно ползли на город. Весна – время вечерних ливней. Но ливень – это лучше, чем снег.

Алекс спускался в лифте и думал о том, что профессия

Принца на Белом звездолете имеет определенные минусы. Хорошо, если ты сможешь спасти принцессу. А если не сможешь? Она же верит, надеется... Не, Коллингем в Принцы не годится. Нервы у него ни к черту, а спать пока хочется спокойно.

В отделе, у входа в хозблок, стоял Сайрус и допивал кофе, высоко задирая альфасамцовую кружку.

– Если ты торопишься, чтобы застать своего китиарского приятеля, можешь не спешить, – доверительно сообщил Сай.

– Гердийский пират ему приятель, – буркнул Алекс, у которого от запаха кофе засосало в желудке. Организм напоминал, что время обеда прошло, и фруктовая бурда его не заменит.

– Не знаю, не знаю... Наши техники были готовы у него с рук есть и лаять по его команде, – уведомил Дакбилл. – Уверен, что он для мужиков безопасен? Может, он какими-нибудь хитрыми китиарскими феромонами пользуется, от которых мужчины теряют волю? – проговорил он, вытаращив от фальшивого ужаса глаза и прикрыв рот ладонью.

– Мозгами он пользуется, Сай, мозгами. Но тебе этого не понять... Нечем, – не удержался Алекс от приятельской подколки.

Дакбилл рассмеялся:

– Все вы горазды облагораживать инстинкты высокими материями. Скажи еще, что ты сейчас с этой красоткой обсуждал последние новости биржи.

– Нет, – совершенно серьезно ответил Коллинггейм, – она организовала мне экскурс в современные проблемы атованской медицины.

– Другими словами, взяла анализы, чтобы убедиться, что тобой безопасно, – хрюкнул Сай.

– Дакбилл, у тебя тестикулы явно перевешивают мозг.

– А то ж! Открою тебе секрет: чем ниже у конструкции центр тяжести, тем она устойчивее, – подмигнул Сайрус, выдавил из кружки последние капли напитка и повернулся в хозблок, чтобы вымыть кружку.

Алекс таки добрел до своего места, чтобы убедиться: всё в порядке. То, что Майер работал в присутствии техников, внушало надежды. Разбитый коммуникатор Бродски одиноко лежал на столе напарника. Стоило детективу пересечь границу отгородки, как его комм дзынькнул. Майер уведомил, что вынужден отлучиться, поскольку дела, но всё расскажет при встрече. Коллинггейм в случайности не верил. Сообщение должно было прийти именно в момент его возвращения. Как бы это ни было выполнено технически, китиарец пометил личную территорию детектива. Алекс не любил, когда кто-то трогал то, что принадлежит ему. Скорее всего, Майер страдал тем же недостатком. Сложно им будет ужиться... Сложно. Но недолго. Тьфу-тьфу-тьфу. На этой оптимистичной ноте Коллинггейм погрузился в дела. Необходимо проверить, не был ли кто-нибудь из сотрудников центра или отеля замечен в антикитиарских выступлениях. Это раз.

Не проходил ли кто-либо из них по наркоконтролю. Это два. Для «три» особенно пригодился бы под рукой компьютерный гений. Хорошо было бы знать маршруты следования ктиарцев в субботу вечером. Но, понятное дело, Майера не устраивала позиция «под рукой». «Под рукой» – это пес, которого поощрительно гладит хозяин. Алекс его понимал. Как мужик мужика. Но ситуацию это только усугубляло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.